

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

4/1977

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА

Вадим Баранов

ВЕЛИКИЙ
ОКТЯБРЬ
И СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПРОЗА

НОВОЕ
В ЖИЗНИ, НАУКЕ,
ТЕХНИКЕ

Серия «Литература»
№ 4, 1977 г.
Издается ежемесячно с 1967 г.

Вадим Баранов

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ
И СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИКО-
РЕВОЛЮЦИОННАЯ
ПРОЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1977

8РС
Б24

Баранов В. И.

Б24 Великий Октябрь и современная историко-революционная проза. М., «Знание», 1977.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «Литература», 4. Издается ежемесячно с 1967 г.)

В брошюре анализируются прозаические произведения последних лет, воссоздающие образ В. И. Ленина и его соратников, изображающие революционеров прошлого.

Автор рассматривает также романы и повести, посвященные подготовке и проведению Великой Октябрьской социалистической революции под руководством партии большевиков.

70202

8РС

Современный этап развития общественного сознания связан с резко возросшим — и продолжающим расти! — интересом к истории. Это обстоятельство уже ни у кого не вызывает сомнения, и выражает оно изменившийся в условиях зрелого социализма характер духовных потребностей советского человека, стремящегося к широте и активности восприятия историко-культурных ценностей.

В определенном соответствии с ростом этого интереса к истории со стороны самых различных слоев населения находится и процесс развития самой исторической науки, обобщающей опыт предшествующего развития, классовой борьбы, социалистического строительства.

«Знание истории, глубокая разработка исторических проблем как никогда актуальны на современном этапе, поскольку еще больше расширяется сфера воздействия исторической науки на широкие трудящиеся массы, созданы наиболее благоприятные условия для проявления ее высокого общественного назначения», — подчеркивается в одном из выступлений журнала «Коммунист»*.

С другой стороны, не стоит, вероятно, закрывать глаза и на проявления некритического увлечения стариной, забвения принципа социально-классового подхода к прошлому, когда чрезмерный интерес к былому оборачивается снижением социальной активности в решении насущных проблем современности. Обилие художественных произведений о прошлом, немалая часть которых, к сожалению, еще далека от глубины в истолковании фактов и художественного совершенства, в отдельных случаях даже заставляло литературную общественность с определенным беспокойством ставить вопрос об имев-

* С. Трапезников. Советская историческая наука и перспективы ее развития. — «Коммунист», 1973, № 11, с. 74.

шем место на страницах журнальной периодики нежелательном перераспределении пропорций не в пользу произведений о современности.

Так, С. Михалков на заседании Секретариата правления Союза писателей РСФСР 22—23 ноября 1973 г. говорил: «Нельзя, например, не обратить внимание на тот факт, что почти одновременно в ряде российских журналов появилось несколько больше, чем обычно, произведений на историческую тему; романов и повестей, посвященных классикам русской литературы: Баратынскому, Лермонтову, Льву Толстому. А если взять еще письма сестер Натальи Гончаровой да уже упоминавшуюся здесь поэму об Андрее Рублеве (А. Рогачев, «Возвышение Андрея Рублева»), то увлечение исторической темой покажется чрезмерным».

Однако бесспорно, что при методологически верном подходе писателя к прошлому явления истории, и в первую очередь революционной борьбы за освобождение трудящихся, могут сослужить неоценимую службу в решении вопросов коммунистического воспитания, в формировании личности нового человека. И не случайно в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии было подчеркнуто: «Сегодняшние свершения советского народа есть прямое продолжение дела Октября».

Стоит заметить попутно, что степень заинтересованности различных национальных литератур фактами истории своего народа различна. Если в латышской литературе разработка историко-революционной темы издавна ведется весьма интенсивно и интересно, то существует мнение, что, например, татарская литература, успешно решающая свои задачи по отражению современной действительности, оказалась, однако, в некотором долгу перед богатыми событиями историческим прошлым татарского народа.

Вопрос о состоянии исторической темы в различных национальных литературах, о ее соотношении с темой современной заслуживает самостоятельного рассмотрения. Но все же обострение интереса к истории в последнее время в многонациональной советской литературе в целом не подлежит сомнению.

В брошюрах издательства «Знание» историческая тема в литературе неоднократно становилась предметом внимания критиков. Такой анализ производился как

попутно*, так и в изданиях, специально посвященных, если так можно выразиться, «истории в литературе»**. Среди них обширностью материала и обстоятельностью анализа выделяется книга В. Оскоцкого «Связь времен». Работы эти (не говоря уже о целом ряде журнальных статей и книг, к некоторым из которых я еще буду обращаться) значительно облегчают мою задачу.

Впрочем при всей несомненной идейно-эстетической значительности историко-революционной прозы многие теоретические вопросы ее развития разработаны еще довольно слабо, а по некоторым существует изрядная путаница. Прежде всего, какие произведения относятся к историко-революционным? Иногда полагают, что «к историко-революционным романам...» следует отнести и произведения, посвященные Великой Отечественной войне», хотя думается, ясно, что «военная» проза составляет в нашей литературе особую область.

Существует и другая крайность, когда по аналогии с подъемом верхней границы слишком опускают нижнюю, полагая, что к историко-революционным относятся и произведения о стихийных народных движениях XVII—XVIII веков, например, романы о Степане Разине А. Чапыгина, С. Злобина, В. Шукшина или повествование В. Шишкова о Пугачеве. Но если и захочет кто-то отнести их к историко-революционной прозе, сделать это придется с такими оговорками, которые, пожалуй, сведут на нет всю эту операцию. Что в сущности составляет основную задачу поэтического исследования явлений прошлого именно в историко-революционном жанре?

На мой взгляд, произведения этого типа отражают не только те или иные формы протеста против социальной несправедливости, но и процессы зарождения и развития революционной идеологии, революционной теории, осмысляющей и направляющей этот протест. Таким образом, вопрос о взаимосвязи практики и революционной теории — один из важнейших методологических вопросов историко-революционной прозы.

Если же говорить о хронологических рамках исто-

* М. Числов. Советская поэма на новом рубеже. 1976 (разделы «История как современность», «Современность как история»); В. Боборыкин. «Проза-75». 1976 (раздел «Начало»).

** Б. Хотимский. Герой и время. Образы исторических деятелей в современной советской прозе. 1976.

рико-революционной литературы на отечественном материале, то, по моему мнению, они охватывают по преимуществу эпоху, начиная с времен Радищева, которого Ленин называл первым русским революционером, включают три этапа освободительного движения в России и завершается победой социалистической революции и утверждением нового строя.

Что касается вопроса об обязательности реальных исторических лиц в повествовании, думается, он не является главным. В «Сибири» Г. Маркова, в «Соленой Пади» С. Залыгина нет ни одного реального исторического лица, но перед нами обстоятельные исследования в одном случае вызревания революционности в стране накануне и в пору империалистической войны, проблем народовластия в годы войны гражданской — в другом.

Отстаивая определенную четкость жанровых границ, без которой немыслима никакая научная классификация, мы не должны впадать в догматическую узость; каждое оригинальное произведение в чем-то «нарушает» «идеальную» модель жанра; оставаясь в главных проявлениях внутри границ жанра, в каких-то отношениях оно может перешагнуть их, и такой процесс в принципе можно только приветствовать, памятуя, что наиболее крупные открытия происходят как раз на стыке смежных областей. Так и между собственно исторической и историко-революционной прозой нет непроходимой грани, в отдельных случаях вопрос об отнесении произведения к тому или иному типу представляет определенную трудность, и это не столько показатель слабости теории, сколько богатства самой практики.

Историко-революционная проза привлекает к себе в последнее время повышенное внимание широкого читателя еще и потому, что наша страна готовится достойно встретить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции. Советский народ испытывает потребность еще раз оглянуться назад, осмыслить пройденный путь, извлечь уроки на будущее.

Что касается литературно-художественной критики, то одна из задач, встающих перед ней в преддверии знаменательной даты, — это анализ эстетического опыта, накопленного историко-революционной прозой, ее жанровых разновидностей, основных тенденций, складывающихся в сфере художественного обобщения, а также и тех трудностей, которые предстоит преодолеть. Такой

подход требует привлечения довольно широкого в хронологическом отношении материала.

Как известно, Октябрьская революция была закономерным следствием исторического развития России на протяжении многих десятилетий. Поэтому, руководствуясь ленинской концепцией преемственности развития освободительных идей, необходимо обратить внимание и на произведения, воссоздающие события первых двух этапов революционного движения в нашей стране.

Советоваться с Лениным

Доклад на VI съезде писателей СССР, посвященный художественному изображению Октябрьской революции и Великой Отечественной войны, А. Чаковский не случайно начал с раздела о Лениниане.

Непримиримая борьба с буржуазной идеологией, сочетающаяся с борьбой за разрядку международной напряженности и усиление контактов между народами и государствами в области науки и культурного строительства, требуют от советских писателей дальнейшего художественного изучения ленинизма, новых попыток воссоздания образа вождя революции.

Развитие Ленинианы, как и каждой самостоятельной тематической сферы литературы, имеет свои особенности, свои периоды наибольшей активности. Для Ленинианы, естественно, таким периодом были годы накануне столетия со дня рождения основоположника Коммунистической партии и Советского государства. Как отмечалось в докладе А. Чаковского, в последнее время движение на этом участке литературного фронта несколько замедлилось. Поэтому важно еще раз сосредоточить внимание на главном из того, что уже создано, обобщить опыт, накопленный ранее Ленинианой *, ее прозаическими жанрами, в частности **.

* См. книги: Н. Зайцев. Правда и поэзия ленинского образа. М., «Искусство», 1967; Н. Потапов. Живее всех живых. Образ В. И. Ленина в советской драматургии. М., «Советский писатель», 1969; В. Пискунов. Советская Лениниана. М., «Художественная литература», 1970.

** Б. Яковлев. Образ Ленина в советской прозе 60-х годов. М., «Знание», 1967; В. Баранов. Правда образа — правда истории. Эстетические проблемы Ленинианы. Русская советская проза. Горький, Волго-Вятское книжное издательство, 1971.

Когда возникали трудности в осмыслении какого-либо сложного вопроса, Ленин, как известно, говорил, что надо «посоветоваться» с Марксом, и брал с полки соответствующий том. Советские люди постоянно обращаются к Ленину, чтобы посоветоваться с ним, и художественная Лениниана в этом плане играет очень важную, незаменимую роль. Произведения о Ленине убеждают, что, несмотря на те огромные изменения, которые произошли во всех областях жизни, образ Ленина и находящиеся отражение в нем те или иные стороны ленинского теоретического наследия, идеи партийно-государственного строительства продолжают сохранять непреходящее, остро современное значение.

Центральным произведением современной Ленинианы, наиболее полно выразившим новые общественно-эстетические потребности, стала тетралогия М. Шагинян, удостоенная в 1972 году Ленинской премии. Приступила писательница к ленинской теме еще в середине 20-х годов, согретая и ободренная теплым отзывом вождя революции о ее романе «Перемена». Тогда она написала очерки о петроградских текстильных фабриках, где родилась первая ленинская прокламация. Верность Лениниане М. Шагинян пронесла через десятилетия. В результате родилась известная тетралогия: «Четыре урока у Ленина», «Билет по истории», романы «Рождение сына» и «Первая Всероссийская».

Произведения эти, совершенно различные в жанровом отношении, объединяет одна ярко выраженная особенность — исследовательский характер. Очеркист-первопроходец, ведущий рассказ от первого лица, и романист, передающий правду жизни через пластику образов, движущихся как бы независимо от авторского вмешательства, — оба эти начала органически сочетаются в творчестве М. Шагинян и активно взаимодействуют друг с другом.

В очерке «Воспитание коммуниста», открывающем книгу «Четыре урока у Ленина», поднимаются важные вопросы партийной этики. Вождь пролетариата при всей его гениальности обладал не только удивительной человеческой чуткостью и товарищеской отзывчивостью — очень важно, что в ходе непосредственного общения с ним любой рядовой участник революционной борьбы не только не ощущал себя «маленьким человеком», но, напротив, испытывал прилив новых сил, от-

крывал в себе новые качества и возможности. «...Когда нужно, Ильич умел быть беспощадно суровым. Но одним из серьезнейших орудий воспитательной работы с кадрами было у Ленина умение не только не подавлять у человека чувство его собственного достоинства, а, наоборот, пробуждать и укреплять его». Принцип этот, гуманистический в своей основе и максимально результативный на практике, актуален всегда.

В «Воспитании коммуниста» автор опирается по преимуществу на воспоминания современников о Ленине, в общем довольно известные. Но это ничуть не умаляет значения произведения. В том-то и особенность таланта М. Шагинян, метода ее работы, что, будучи не только очеркистом-повествователем, но и ученым, она умеет находить новое даже там, где, казалось бы, все давно открыто. М. Шагинян обнаруживает такие внутренние связи между свидетельствами современников, которые раскрывают свой подлинный смысл именно после того, как их коснулась вдумчивая аналитическая мысль художника.

Все четыре очерка пронизывает идея о творческой активности коммуниста, проявляющейся в разнообразных сферах: от кропотливого изучения уже существующих научных трудов до претворения теоретических положений марксизма в ощутимые практические результаты.

Отлично написан очерк «В библиотеке Британского музея». Живые картины Лондона, меткие наблюдения над особенностями национального облика его обитателей составляют активный фон, на котором воссоздается важная страница биографии Ленина. Писательница совершенно права, говоря, что для понимания Ленина-человека не миновать глубокого раздумья о роли библиотек в его жизни. «Библиотека — это не только книга. Это прежде всего колоссальный концентрат спрессованного времени, как бы сопряжение тысячелетий человеческой мысли, перенесенной на пергамент, папирус, бумагу — для жизни в постоянстве, а не в текучести».

В этом, как и в других очерках, чувствуется по-малодому горячий полемический задор, придающий всей книге страстную взволнованность. М. Шагинян темпераментно восстает против пренебрежительного отношения к «книжному знанию», против примитивно-эмпирических противопоставлений книги и жизни. Весь вопрос в том, как относиться к книге и с чем подходить к ней.

Лишь при поверхностном взгляде может показаться, что в библиотеке Ленин находился наедине с собой. В благословенной тишине он воспринимал в безмолвном чередовании строк баррикадную битву идей, грохот которой везде, не смолкая, сопровождал его всю жизнь.

Дорожа конкретными приметами времени и быта, опираясь на свой богатый жизненный опыт, писательница всякий раз подходит к ленинской теме во всеоружии специальных знаний в области философии и эстетики, истории и социологии. Причем освоены они с той непосредственной творческой заинтересованностью, что перестают быть просто данными науки, пусть и очень важными и верно понятыми. Они образуют неотъемлемую составляющую художественного сознания творческой личности, ее культурного облика, ее интеллекта. Вот почему выходы в специальные сферы у М. Шагинян, как правило, органически сочетаются с собственными наблюдениями и воспоминаниями (например, рассказ о начале своего писательского пути очень уместен в системе размышлений над судьбами искусства в «Рождестве в Сорренто»).

М. Шагинян понимает идейно-эстетическую природу Ленинианы широко, многогранно, и читателю всегда интересно знакомиться с ее обобщающими суждениями о жизни. «По следам Ильича» и «Рождество в Сорренто» — путевые очерки, связанные с путешествиями по ленинским местам Франции и Италии. Историко-географический фон выписан в них с впечатляющей рельефностью. Передвигаясь на машине по дорогам Бретани или обследуя пешком достопримечательности Генуи и Болоньи, М. Шагинян находит массу характерного и любопытного. Но иногда все же невольно ловишь себя на мысли, что маршруты этих путешествий во времени и пространстве далековато отходят от художественного маршрута ленинской темы. В «Рождестве в Сорренто» картины Италии, в принципе органичные для жанра путевого очерка, на мой взгляд, не очень много дают для понимания природы взаимоотношений Ленина и Горького.

Связующим звеном между «Четырьмя уроками» и дилогией является «Билет по истории», имеющий своеобразное жанровое обозначение «Эскиз романа». В необычайно концентрированной форме М. Шагинян рисует юность Ленина, вплоть до окончания гимназии и вступ-

ления на путь революционной деятельности. Здесь верно нащупаны основные драматические узлы начального периода ленинской биографии (смерть отца, казнь брата). Интересно намечены основы характера молодого Ленина с переходом от самоуглубления к бурным проявлениям его темперамента во время выступлений казанского студенчества.

С тем же, говоря словами М. Шагинян, «жадным чувством исследователя», что и очерки, написан и ее роман «Семья Ульяновых». Первой его книге, получившей позднее название «Рождение сына», суждено было сыграть в истории прозаической Ленинианы особую роль.

Задуманная еще в конце 30-х годов, она не получила тогда своего окончательного завершения. Работа над нею была продолжена в других условиях. «Семью Ульяновых» можно по праву считать как бы мостом, соединяющим наиболее плодотворные традиции в разработке ленинской темы в 20—30-е годы с теми новыми сдвигами в общественном сознании, которые были следствием преодоления догматических тенденций. «Семья Ульяновых» стала книгой-первопроходцем, она требовала от последующих произведений о Ленине подлинной научной достоверности в работе над фактическим материалом и глубины его социально-психологической трактовки.

Повествование о семье Ульяновых с самого начала становится повествованием о судьбах страны и еще раз подтверждает, сколь широко раздвинулись рамки традиционных семейных хроник, которыми так богата литература прошлого.

В «Первой Всероссийской» М. Шагинян берет довольно локальный материал: историю первой в стране Политехнической выставки 1872 года. Хронологический охват событий теперь гораздо уже, чем в «Рождении сына», охватывавшем почти десятилетие. Но замысел углубляется, и эта центристскость делает книгу панорамной, потому что на выставке, отлично организованной по тем временам, в миниатюре предстает вся Россия.

Вероятно, именно изначальная широта замысла определила и тот угол зрения, под которым писательница смотрит на своего героя — отца Владимира Ильича. Через отношение к делу И. Н. Ульянов показан гораздо

более многогранно, чем через внутрисемейные отношения.

Да, впрочем, могло ли быть иначе, если для него преподавательская деятельность была призванием, если был он, как говорится, педагог милостью божьей!

М. Шагинян рассматривает профессию как ключ к характеру. Именно таким путем писательница выявляет и объясняет многие лучшие черты И. Н. Ульянова и, может быть, в первую очередь «редчайшую его деликатность к человеку» плюс подлинное внутреннее равенство с человеком, как условие этой деликатности.

И. Н. Ульянов показан в романе личностью исключительно цельной психологически. И в том сугубо индивидуальном чувстве, каким является любовь, для него гораздо больше, чем для многих, значила духовная близость с женщиной, общность широких жизненных интересов.

Человеком большого благородства, огромного внутреннего такта и душевного изящества выглядит в романе мать Владимира Ильича. Несомненно, это была незаурядная женщина, и существенное место в числе немалых способностей Марии Александровны занимает одно присущее ей качество. В «Первой Всероссийской» автор заставляет героя вспомнить, как он по-юношески восхищался культурой ее мышления, о которой она как будто сама не подозревала, ясностью, трезвенностью, деловитостью ее.

В семье Ульяновых господствовал дух здорового, разумного подхода ко всему, начиная с самых важных проблем и кончая «мелочами». И если Марии Александровне удалось дать детям прекрасное образование и воспитание, то вовсе не потому, что семья располагала избытком средств (особенно после смерти Ильи Николаевича, когда приходилось жить на пенсию), а во многом потому, что с наибольшей отдачей здесь использовалась каждая трудовая копейка.

Мария Александровна была чрезвычайно собранная, целеустремленная натура. Она, например, в принципе не принимала самого понятия «проводить время» (а еще до сих пор существует варварское выражение: «убить время»). «...У Марии Александровны время было самый драгоценный продукт ее хозяйства...». И детям сызмальства прививала она способность ценить время и каждый отрезок его обращать на пользу себе и людям.

В характере И. Н. Ульянова М. Шагинян акцентирует в первую очередь те особенности его натуры, которые дают конкретный, рабочий выход в жизнь. Учитель Белокрысенко характеризует Ульянова следующим образом: «Энтузиасты беспочвенные — это мы с вами, вы да я, а Ульянов — кремь, твердыня, есть в нем, знаете ли, как бы это сказать, — система, последовательность, трудовой навьк».

«Первая Всероссийская» — это роман о вызревании общенациональных потребностей крутых перемен, о необходимости дальнейшего преобразования страны и социального перевоспитания человека.

В России назревала неумолимая тяга народа к знанию. Это начали чувствовать даже капиталисты, иные из которых, например Малютины, хотели иметь у себя образованных рабочих. Всероссийская промышленная выставка стала как бы концентрированным выражением этой потребности. Но она же показывала страшную отсталость России. Можно ли было ее ликвидировать теми путями, которые выбирают И. Н. Ульянов и его подопечные — народные учителя? Глубоко демократическая и прогрессивная деятельность И. Н. Ульянова обнаруживает свою историческую ограниченность. К тому же, как известно, он был человеком верующим, сторонником чисто эволюционного усовершенствования общества. Поэтому он, кстати, болезненно воспринял выстрел в царя, чем поразил одиннадцатилетнего Володю...

Дилогия М. Шагинян опирается на лучшие традиции Ленинианы — традиции М. Горького и В. Маяковского. Она затрагивает коренные проблемы национально-исторических судеб России, отражает потребность в социальном перевоспитании русского человека и успешно изображает начало этого процесса. Традиции предшественников М. Шагинян развивает дальше, выходя на широкие просторы эпического повествования. В этом видно движение Ленинианы к постановке все более сложных и разветвленных задач, связанное с дальнейшим развитием современной общественной мысли, с дальнейшим развитием эстетических принципов социалистического реализма, его поэтики.

С восстановлением ленинских норм государственной и партийной жизни художники подходят к ленинской теме более творчески, в их произведениях находит отра-

жение тот дух исканий, стремление преодолеть старые шаблоны, которое присуще всему народу и партии. Советское искусство начинает размышлять над теми сторонами жизни и политического творчества Ленина, которых еще никто не касался. Автор сценария «Рассказов о Ленине» Е. Габрилович писал: «...в его жизни было немало таких страниц, которые могут дать основу для драматургии самого высокого, часто трагического накала. И, отбирая эти страницы, следует делать образ Владимира Ильича ядром драмы, а не проводящим беседы и все разъясняющим лицом»*.

Поиски нового содержания не могли не привести к определенным сдвигам в области формы. Характерна в этом отношении книга С. Юткевича «Разгадка поэзий», содержащая переписку автора с М. Штраухом в пору их работы над «Рассказами о Ленине». Уже в первом письме М. Штрауха — настоящий бунт мастера против омертвелых штампов. «Меня вообще мучает вопрос: как показать новые стороны Ленина? В чем штамп (за 20 лет)? Мы все показываем: Ленин распоряжается, учит, наставляет... Ленин объясняет, разъясняет... Ленин звонит по телефону... Ленин пишет... Ленин говорит речь... Ленин все знает и т. д. Но это только одна из сторон его.

Почему мне нравятся «Куранты» Погодина? Там есть что-то новое о Ленине. Там Ленин мечтает!

Вот почему мне вчера понравилось «Ленин огорчился», даже «пригорюнился». Давай искать еще новые штрихи в этом направлении»**.

Многие из книг о Ленине основываются на совершенно различном историческом материале. С одной стороны, первые шаги по созданию подпольной организации в Петербурге и последовавшая затем сибирская ссылка. С другой стороны, начало работы по руководству первым в мире пролетарским государством, рождение которого в корне изменило пути мировой истории. Книги очень хорошо дополняют друг друга, помогая лучше понять Ленина как небывалого новатора в политике, передают величие его как человека.

* «Октябрь», 1962, № 1, с. 64.

** С. Юткевич. Разгадка поэзий. 1968, с. 29. (Название книги С. Юткевича знаменательно. Вся она — напряженное раздумье по поводу новых изобразительных средств, секретов кинорежиссерской и актерской техники.)

Ленин нарисован в различных обстоятельствах. Мы видим его, если можно так выразиться, один на один с величественной сибирской природой, в живых, непринужденных беседах с крестьянами, в жарких спорах с соратниками по борьбе, в процессе работы над книгой «Развитие капитализма в России» (А. Коптелов, М. Прилежаева). Естественно, что образ Ленина в столь различных эпизодах поворачивается к читателю своими различными сторонами. И вместе с тем за удивительным многообразием проявлений духовной жизни в Ленине неизменно чувствуется исключительная собранность, сосредоточенность и устремленность к главной цели — революции.

Сопоставление книг, построенных на хронологически отдаленном материале, помогает лучше понять становление Ленина как политика, мудрого стратега, руководителя партии коммунистов. Одна форма политической борьбы, продиктованная обстоятельствами, — это «Протест семнадцати» против оппортунистического кредо экономистов. Естественно, совсем иные формы приобретает борьба и деятельность Ленина после революции, когда он направлял усилия партии на созидание нового государства.

Одна из важнейших сторон политической деятельности Ленина после Октября — поиски совершенно новых в международной практике форм взаимоотношений государств с различными политическими системами. В романе «Золотой пояс» Дм. Еремина Ленин изображен как мудрый стратег, которому приходится решать сложнейшие проблемы мировой экономики и политики. Чтобы вывести страну из разрухи, осуществить план ГОЭЛРО, требовалось проявить максимальную гибкость, использовать самые различные средства.

Что и говорить, решение не из легких. Поначалу сомневались в правильности такого шага многие. Величие Ленина-политика состояло в том, что он мастерски использовал противоречия между странами империалистического лагеря, в частности Америки и Японии на Дальнем Востоке. Концессию он рассматривал не только как вынужденную форму сотрудничества с капиталом, но и как новую форму войны с ним. В обстановке голода и разрухи Ленин с огромной оптимистической убежденностью объясняет соратникам: только что рож-

дающийся социалистический способ хозяйствования, используя передовой, научно-технический опыт, непременно одержит верх в состязании с капитализмом.

Сюжетную основу романа составляет судьба крупного американского предпринимателя Вандерлипа. Инженер по образованию, бизнесмен по призванию, он в то же время был человеком, не лишенным авантюрно-романтических наклонностей. Много лет лелеял он мечту о несметных богатствах, которые добудет, разрабатывая «золотой пояс» востока России.

Основное действие разворачивается после Октябрьской революции, когда сама жизнь заставила капиталиста вступить на путь экономического сотрудничества с большевиками. Вандерлип, обладавший завидной предприимчивостью и упорством, добивается встреч с Красным, Чичериным, Литвиновым. Центральное место в романе занимает его беседа с Лениным.

Вандерлип — сложный характер. Ни на минуту не переставая быть дельцом, преследующим личные выгоды, он в то же время обнаружил способность непредвзято посмотреть фактам в глаза и убедился, что возглавляемое Лениным правительство является единственной властью, которую поддерживает народ.

Судьба Вандерлипа сложилась драматически. Честные свидетельства очевидца, высокие отзывы о Ленине как политике были встречены в Америке со злобным возмущением. Друзья, родственники, жена, дети — все отвернулись от него в трудную минуту. Бизнес с неумолимой жестокостью мстил тому, кто рискнул нарушить его волчьи законы.

Дм. Еремин исследует в основном социально-политическую сторону судьбы своего героя, но мало внимания уделяет рассмотрению самого процесса его внутренней перестройки во время пребывания в России. В романе по преимуществу используются публицистические средства решения поставленной задачи. Совершенно очевидно, что образ героя с такой необычной судьбой выиграл бы от более пристального психологического анализа тех превращений, которые происходили в нем.

Столь актуальная в период разрядки международных отношений тема, как Ленин и Запад, находится в центре внимания Г. Фиша, автора книги «После июля в семнадцатом».

В Финляндию Ленин приезжал много раз. Есте-

венно, что писатель, еще с начала 30-х годов ставший историком революционного движения в Суоми и одновременно исследователем культуры Скандинавии, просто не мог миновать эту тему.

Наиболее целостное впечатление производит заглавная повесть, в которой изображается пребывание Ленина в Финляндии осенью 1917 года. Исторический материал помогает Г. Фишу найти идейно-эмоциональный ключ к теме. Жизнь Ленина в постоянной опасности: Керенским отдан приказ о его аресте, против него ведется разнузданная кампания клеветы, партия вынуждена уйти в подполье. Лишенный элементарных удобств для работы, а в Разливе, в буквальном смысле, — крыши над головой, под чужим именем и с чужой внешностью, Ленин трудился с невиданной интенсивностью. Он был озабочен не только тем, чтобы выправить положение, создавшееся после расстрела июльской демонстрации. Именно в ту пору он писал и знаменитую книгу, прогнозирующую принципы государственного устройства России после революции.

У ленинской убежденности были глубокие корни, и, думается, сама структура повествования, избранная Г. Фишем, работает на эту идею. В экспозиционной сцене, где описывается поездка артиста Куусела за «живым пакетом» (под именем Константина Петровича скрывался Ильич), значительно шире, чем где-либо в книге, даны городской и сельский пейзаж, интерьер. Чем дальше, тем сдержаннее, скупее на краски становится повесть. Но и все многолюднее делается она, все шире становится круг финских патриотов, помогающих большевикам. И само это центробежно-расширяющееся движение сюжета своеобразно отражает процесс завоевания людских сердец правдой ленинизма.

Логика развития событий как в этом, так и в других произведениях Г. Фиша, имеет одну примечательную особенность. Главным сюжетослагателем в них является сама действительность. Это вовсе не означает, что так происходит всегда и что писателю вообще не остается ничего другого, как выступать в роли пассивного фиксатора событий. Активность писательской позиции выражается в таком случае в отыскании реально существующих между событиями и явлениями взаимосвязей.

Совершенно удивительные сюжетные узлы завязала жизнь в очерке «Машинисты паровоза № 293», того са-

мого, на котором Ленин уезжал в Финляндию. Впоследствии судьба накрепко связала машинистов 293-го с городом Ленина. В голодном 1918-м они водили на родину выделенные по указанию Ленина эшелоны с хлебом, которым делился с финнами голодающий питерский пролетариат. Потом, опять-таки по совету Ленина, организовали дальние рейсы за хлебом в глубь России. А в годы Великой Отечественной Виролайнен, еще в 1918 году нашедший и вместе с друзьями отремонтировавший паровоз № 293, провел под артиллерийским обстрелом в осажденный Ленинград первый эшелон с продовольствием.

Повествование Г. Фиша развивается в двух временных плоскостях. Из 1917 года автор свободно переносится в 30-е и последующие годы, рассказывая о встречах с теми людьми, которые знали Ленина, делили с ним свой кров и хлеб и обогащались его идеями. Писатель, что называется, по крупницам собирает драгоценные свидетельства очевидцев, значительно обогащая картину контактов Ленина с современниками-революционерами, в первую очередь такими, как Шотман, Куусинен, «красный полицеймейстер» Ровио, Эйно Рахья, Тайми, Гюллинг и другие.

Подчеркивая документальную основу своего труда, Г. Фиш назвал свои произведения «невыведенными повестями с историческими и лирическими отступлениями».

Принцип лирической организации материала — основной в повести «Маленькая железная дверь в стене» В. Катаева, и этим обусловлено ее несколько особое место в Лениниане. От лирического дневника здесь — отсутствие последовательного сюжета, временами несколько причудливая ассоциативность, большая, чем обычно, «подчиненность» документального материала авторской лирической концепции. Прежде всего В. Катаев воссоздает образ среды, окружавшей Ленина в Париже в начале века. Зоркий глаз писателя подмечает мельчайшие подробности быта, окружавшего «Ильичей» в Париже, те подробности, которые помогают воссоздать целостный ритм рабочего дня Ленина, определенные черты его поведения, привычки и пристрастия.

Во время пребывания в Париже Ленину регулярно приходилось совершать довольно дальние велосипедные поездки в центр, в Национальную библиотеку. В. Катаев восстанавливает путь Ленина к ней от домика на улице

Мари-Роз. Но как художник он идет еще дальше. Рассказчик в «Маленькой железной двери в стене» движется не по следам Ильича, а вместе, рядом с ним. Даже в тех картинах, где Ленина нет и воссоздается только его маршрут, мы как бы ощущаем его присутствие: настолько впечатляюще описано все, что окружало его, настолько органично для рассказчика восприятие вещей в логике ленинского самочувствия, что кажется, словно Ленин сам проходит перед нами.

Все, что окружает человека, это не просто фон, «задник», как в театре. Быт, детали которого выписаны с удивительной пластической осязаемостью, у В. Катаева исключительно активен. Он становится средой, внутри которой живет и борется человек и которая как бы превращается в частицу души самого человека.

И вот именно внутри сцен повседневной парижской жизни рождаются находки и открытия, характеризующие неповторимость Ленина как политика и вождя борющегося пролетариата. В подобных случаях нередко авторская речь естественно и незаметно переходит во внутреннюю речь Ленина. Совершая мысленную поездку с Лениным по улицам Парижа, рассказчик обращает внимание на газетные киоски, «сверху донизу увешанные разноцветными журналами». «Юманите» Жореса небось засунули в самый конец. А русского «Пролетария» не видно: держат под прилавком, говорят: никто не берет, потому что русская газета; однако это не мешает на самом видном месте держать архиреакционное суворинское «Новое время» и кадетскую «Речь». Черт бы их побрал с их квазисвободой печати!»

Никто точно не знал, был ли такой факт в жизни Ленина. В. Катаев уверен — был. И он прав. Вся логика восприятий жизненных явлений, присущая Ленину, убеждает в том, что именно так он должен был реагировать на механизм распространения печати в буржуазном мире.

Рождающийся из мельчайших подробностей повседневности образ В. И. Ленина, нарисованный в «Маленькой железной двери в стене», стличает исключительная целостность. Перед нами революционер до мозга костей. В. Катаев подчиняет свою художественную фантазию тому, чтобы везде и во всем видеть в Ленине прежде всего неукротимый дух преобразователя жизни. Ленин и Крупская с огромным интересом следят за по-

летами первых аэропланов, напоминающих этажерки. До возвращения на родину, до революции — еще несколько лет, а Ленин уже думает о том, как могут пригодиться такие аппараты, если народу придется в будущей войне отстаивать от врагов свое государство. Художник выступает в роли вдумчивого исследователя внутреннего мира Ленина.

В поэтической системе повести В. Катаева особое значение имеет образ Парижской коммуны. Описывая поездку Ленина в библиотеку, В. Катаев использует своеобразный прием: Ленин у него едет на велосипеде не только на несколько километров вперед, но и на четыре десятилетия назад, в 1871 год. «Ленин ехал мимо Пантеона по бульвару Сен-Мишель, представляя себе майский Париж времен Коммуны. Повсюду перегороженный баррикадами, охваченный дымами горящих зданий, потрясенный взрывами, дробными, раскатистыми залпами митральез». А с ними смешивались звуки ружейных выстрелов на баррикадах Пресни.

Коммуна сопровождает Ленина на протяжении всего его маршрута. Ее героический опыт укрепляет в нем дух бескомпромиссной революционности. Ее трагический финал заставляет вновь и вновь извлекать уроки на будущее, и Ленин с упорным постоянством делает это.

Несмотря на то что некоторые стороны личности Ленина, например его отношение к искусству, получили в повести В. Катаева несколько одностороннее освещение, «Маленькая железная дверь в стене», если оценивать ее как целое, безусловно, принадлежит к числу наиболее приметных произведений Ленинианы.

Опыт лучших наших мастеров в сфере Ленинианы убеждает, что только мудрая концепциальность, связанная с коренными проблемами современности как отрезка генерального исторического процесса, сулит новые удачи и художественные открытия. И как раз именно таких книг ждет читатель. Потому что для него читать о Ленине — это значит читать о нашем сегодня. Потому что Ленин — это всегда глубоко современно.

Буржуазные идеологи без устали твердят об исчерпанности моральных ценностей, о господстве нивелирующего стандарта над человеческим духом независимо от того, в координатах какой социальной системы живет человек. Изображение революционера-ленинца во всем богатстве его натуры является в этих условиях задачей

в высшей мере актуальной. Писателям предстоит еще более глубоко раскрыть общечеловеческое значение тех сдвигов, которые революция произвела в духовной структуре личности.

По книгам о Ленине можно проследить всю его жизнь, начиная с детских лет. Однако меньше всего изображен Ленин в наиважнейший период его деятельности — как практик-организатор нового общества и одновременно теоретик, обобщающий творческий опыт народных масс.

В современных условиях особенно важно запечатлеть в художественном образе самый дух, метод ленинского мышления, основные принципы подхода Ленина к действительности. Точность стратегического расчета, умение охватить картину во всей сложности, во всей прихотливости диалектических переходов от одной из составляющих ее величин к другой, искусство выбора «главного звена», ухватившись за которое вытягивают всю цепь, — все это было у Ленина направлено на максимальную мобилизацию внутренних резервов социалистического общества, на расковывание народной инициативы. Ленину в высшей мере было присуще стремление к общественной гармонии, к поиску тех объективных взаимосвязей явлений, которые были бы наилучшими, или, говоря сегодняшним языком, оптимальными. При этом пафос активной перестройки жизни сочетался в Ленине с удивительно уважительным отношением к ее самодвижению, к познанию объективных закономерностей. Вот почему он так активно призывал изучать ростки нового, факты новой жизни, так нетерпимо относился к любым формам волюнтаризма и «комчванства».

Ленин давал непревзойденный пример умения оценивать должным образом то, что на первый взгляд могло казаться «мелочью». Провозгласив невиданную по исторической масштабности задачу созидания коммунистического общества, он одновременно призывал брать на учет каждый пуд хлеба и угля. Больше того, именно в правильном, хозяйски рачительном отношении к этому пуду угля со стороны каждого он видел первые ростки коммунистической морали! Не опасаясь упреков в «снижении» возвышенных лозунгов, Ленин с беспощадной последовательностью боролся против «политической трескотни», в условиях мирного строи-

тельства важнейшим считал лозунг «практицизма и деловитости».

Как известно, Ленин горячо поддерживал идеи научной организации труда. В известной мере можно сказать, что он стремился к научной организации бытия.

Все это вместе взятое рождало новую концепцию русского национального характера в политическом творчестве Ленина. Предстояло сонастроить исторически присущие русскому человеку черты, и прежде всего способность к масштабным свершениям, с благоприобретаемыми в ходе революции и интернационального общения чертами. Принципы социалистического хозяйствования и деловитости рождали новые нормы этики. Вероятно, можно утверждать, что ближе всего нам сегодня Ленин, раскрывающий философию нашего общественного бытия, Ленин, который заботился о ритмичном и здоровом биении пульса огромного организма государства. Вот именно это в нем, вероятно, ближе всего нам в эпоху зрелого социализма, научно-технической революции, упорного соревнования с миром капитализма, поисков оптимального использования безграничных возможностей нашего общества и наилучшего использования возможностей каждой входящей в него личности.

Революция — в человеке

Рассуждая о сложных задачах, стоящих перед литературой, М. Горький еще в дооктябрьскую пору сказал однажды, что надо бы просто написать два произведения: одно о человеке, который шел вверх, другое — о человеке, который шел вниз... Этими словами, в форме, доведенной до притчеобразной условности, он хотел выразить мысль о том, что участие в революции раскрывает перед человеком безграничные возможности духовного роста и совершенствования, а сопротивление ей — прямое или косвенное, скрытое или откровенное — лишает его сил и приводит к краху. Разумеется, такую расшифровку никоим образом нельзя понимать упрощенно, каждый из названных процессов может быть отмечен своими противоречиями, но итоговая социально-историческая суть от этого все же не меняется.

Важно, что вверх, по сложному пути бесконечного социально-нравственного совершенствования пошел человек из народа, тот, кого власть имущие долго и за человека-то не считали.

Сложные проблемы формирования революционной нравственности, народного самосознания подняты в романе С. Залыгина «Соленая Падь». Удостоенный Государственной премии СССР, этот роман многократно привлекал внимание критики, советской и зарубежной. Сейчас, спустя десятилетие после его выхода, вчитаемся вновь в его страницы, попытаемся понять, чем интересен он нам сегодня, когда мы решаем задачи в немалой мере иные, чем те, что решали в пору его написания.

В центре романа колоритный образ народного полководца — сибиряка Ефрема Мещерякова. Выходец из народных низов, унтер-офицер во время мировой войны, он обнаружил в себе в послеоктябрьские годы незаурядный талант руководителя. Может быть, первое, что сразу бросается в глаза в его действиях и поступках, — это быющее через край жизнелюбие, вкус к реальной жизни со всеми ее земными прелестями. Воюя за лучшее будущее всего народа, Мещеряков вовсе не склонен рассматривать свою жизнь только как «строительный материал» для этого отдаленного будущего. Гуманистический смысл образа Мещерякова состоит в том, что в масштабах даже великих исторических целей человек не может расцениваться лишь как средство их достижения. Таким образом, цель не может рассматриваться в отвлечении от тех способов, которые общество тратит на ее достижение, и, естественно, чем более экономным и точным является выбор таких способов, тем лучше. Мещеряков отстаивает необходимость рачительного отношения к любой, в том числе и к собственной, жизни. Выразителен и остро современен диалог Мещерякова и максималистки Таси Черненко, бравирующей своей готовностью в любой момент принести себя в жертву делу.

« — Товарищ главнокомандующий, неужели ты боишься смерти?

— Так я же не против того, чтобы живым быть. Не против. А на кой черт такая жизнь, при которой смерти не боишься? На это мне голова дана, и глаза, и уши,

и даже оружие: защищаться самому, других защищать от смерти!

— Умереть ради других — и тебе страшно?

— А я-то чем хуже других? Что-то все нынче «Другие, другие!» Все за других. Кто же за себя-то? И я не другой, что ли? Я за тех, других, когда они за меня. Вот какое у меня условие...

— И вот так ты делаешь революцию? Товарищ Мещеряков?

— Вот так и делаю. И двадцать тысяч мужиков, которые в нашей армии, тоже так делают, из того же расчета жить, а не помирать».

Как мы понимаем сейчас, Мещеряков противопоставляет трезво-реалистический народный взгляд на участие человека в революции тому несколько отвлеченному идеалу жертвенности, который издавна формировался в среде молодой революционной интеллигенции.

Итак, поэзия жизнелюбия, расцвет личности в условиях, казалось бы, наименее для того располагающих, гуманистическая содержательность образа — вот что привлекает нас в Мещерякове. Но Ефрем — реальное порождение своего времени с присущими ему противоречиями, порою довольно острыми. И одна из удивительных особенностей образа, мастерски вылепленного С. Залыгиным, состоит в том, что Ефрем продолжает нравиться нам даже тогда, когда совершает не вполне обоснованные поступки. В самом деле, уже в начале действия он единолично отменяет решение общего схода крестьян по поводу дела Власихина. Потом — мало оправданное сражение за Моряшиху, совсем уж «шальная» погоня за Тасей Черненко... Мещеряков порой склонен противопоставлять себя окружающим и подчиненным, весело упиваясь своими действиями, объективный смысл которых далеко не так безвреден, как может показаться на первый взгляд.

И все-таки, повторяю, Мещеряков нравится читателю даже со всеми этими недостатками. И залыгинский образ удивителен, может быть, в первую очередь вот таким сочетанием или, точнее, скрытым эстетическим единством того, что составляет поэзию, рост народного характера, с тем что есть порождение противоречий определенного времени, неизбежных трудностей становления личности, находящейся на самой ранней фазе осознания себя как части общества.

Определенное идейно-эстетическое единство составляют и образы Мещерякова и Брусенкова, которых обычно рассматривают только как антагонистов. На первый взгляд и вправду между ними мало общего: веселой открытости Мещерякова противостоит угрюмая подозрительность Брусенкова, стремящегося присвоить себе монопольное право судить сначала о людях, а потом — людей. И все же взаимосвязь образов в композиционной системе романа не сводится только к антитезе. Дело в том, что брусенковщина — это не просто порождение «дурных» сторон определенного типа поведения, это не только стремление к узурпации власти, вызванное недоверием к другим и самодовольным предположением о том, что эти «другие» властью по-настоящему распорядиться не смогут, а, значит, карты в руки им, Брусенковым. Дело еще и в том, что брусенковщина — в определенной мере и порождение Мещеряковых в тех случаях, когда они совершают недостаточно продуманные действия, когда они не слишком задумываются над возможными последствиями своих поступков.

Подобное исследование диалектических взаимосвязей величин, которые на первый взгляд могут восприниматься как противоположные, вообще одна из наиболее сильных сторон художественного метода С. Залыгина. Что же касается общественной наполненности образа Мещерякова, то на его примере писатель поднимает большой и сложный вопрос о чувстве исторической ответственности руководителя за свои поступки перед будущим, недопустимости малейших злоупотреблений властью, пусть и без какого бы то ни было узкокорыстного расчета, о дисциплине как факторе не только социально-политическом, но и нравственном, способствующем внутреннему контролю человека за своими поступками.

К «Соленой Пади» С. Залыгина по принципу композиционной организации материала (в первую очередь выдвижение в центр повествования одного главного героя) примыкают и романы о реально существовавших людях: «Комкор Думенко» (в журнальном варианте «Красный генерал») В. Карпенко, «Ока Городовиков» А. Балакаева и др. Эти книги продолжают традиции историко-биографического повествования, возникшего еще во второй половине 30-х годов.

Проблема духовного роста, самосовершенствования стояла не только перед теми, кто, выходя на арену активной общественной деятельности, впервые в той или иной мере прикасался к политике, культуре, науке; эта же проблема, только в иной форме, вставала перед интеллигенцией, навсегда связавшей свою судьбу с революцией.

Подлинный революционер — человек невиданной целеустремленности. В произведениях историко-революционного жанра справедливо подчеркивается возрастающая роль интеллектуально-волевого фактора в духовной структуре личности — в противоположность различного рода современным антигуманистическим зарубежным «теориям» и «концепциям», выдвигающим в человеке на первый план подсознательно-интуитивное, неконтролируемое, связанное с голосом инстинкта, секса.

Произведения историко-революционной прозы различных жанровых разновидностей рисуют тип социально активной личности, сознательно выбирающей свой путь, и этим в первую очередь определяется их общественно-воспитательное значение сегодня. Галереей образов именно таких людей воссоздают коллективными усилиями авторы выпускаемой Политиздатом серии «Пламенные революционеры», давно уже привлекавшей внимание широкой читательской общественности. К настоящему времени вышло более шести десяти книг, рассказывающих о представителях всех трех этапов освободительного движения в России, выдающихся деятелях Коммунистической партии, о славных представителях социалистического и коммунистического движения за рубежом. Некоторые книги, входящие в эту серию, такие, как роман Ю. Трифонова «Нетерпение», представляют принципиальный общелитературный интерес.

Думается, успех Ю. Трифонова обусловлен рядом обстоятельств, таких, как давняя предрасположенность к исторической теме, проявления которой мы находим и в его известных повестях о нашей жизни, и умение нащупать в материале прошлого тот живой нерв, который придает произведению остро современное звучание, и активность и совершенство художественной формы, представляющей собой не совокупность «приемов», призванных придать сюжету беллетристическую

оживленность (есть и такие книги в серии «Пламенные революционеры»), а максимально органичные материалу средства выражения его сущности. Но, впрочем, о романе Ю. Трифонова еще пойдет разговор в следующей главе. Пока же пример Ю. Трифонова понадобился для того, чтобы показать, что в ряде случаев повесть перерастает в роман, а за этим скрывается отнюдь не только расширение объема. Свидетельство тому — обширный роман С. Сартакова «А ты гори, звезда!», задуманный первоначально как повесть для серии «Пламенные революционеры», что и было объявлено в каталоге-проспекте 1971 года.

Писателю удалось создать выразительный образ революционера-ленинца, человека драматической, и вместе героической судьбы, Иннокентия Федоровича Дубровинского. С. Сартаков показал первые, еще робкие шаги будущего революционера по пути политического самосознания, занятия в нелегальных кружках, контакты с рабочими и крестьянами, знакомство с трудами Маркса и Ленина и вступление на путь марксизма. В полном соответствии с исторической истиной писатель воспроизвел те колебания, которые были присущи Дубровинскому в момент решающих расхождений большевиков и меньшевиков и ту страстную и действенную самокритику, которой подвергал себя Дубровинский, преодолевая свои ошибки.

В судьбе Дубровинского много общего, сходного с судьбами других революционеров той поры. Но С. Сартаков умело выхватывает в своем герое и такие стороны его биографии, которые делают образ глубоко индивидуальным и неповторимым. Человек слабого физического здоровья, он прошел тюрьмы и ссылки, преодолевая свои недуги и стремясь принести как можно больше пользы общему делу. Каким глубоким драматизмом веет от тех страниц, которые показывают нравственные мучения, испытываемые Иноком (так любовно звали его товарищи по работе) на благословенном курорте в Давосе! Он называет свое положение одиночным заключением (и разве не горький парадокс революционной судьбы передает тот факт, что в другом случае одиночную камеру в сравнении с общей — можно читать, писать, думать! — Дубровинский называет верхом блаженства!). Да, лечиться было необходимо, и не случайно Ленин всячески воздейст-

вовал на Дубровинского в этом отношении, говоря, что партии нужно «здоровое имущество». Но по-своему нравственно был прав и Инок, не желавший тратить на себя средства и без того скудной партийной кассы и рвавшийся в бой.

Дубровинский принадлежал к тому поколению революционеров, которые уже перестали смотреть на любовь и семью с позиций максимального ригоризма, подобно народовольцам. Подражавший сначала своим предшественникам, Дубровинский все же испытал радость любви и семейной жизни. Но как была она горька и непродолжительна, эта радость, в сравнении с теми мучительными переживаниями, которые постоянно сопровождали путь революционера, вынужденного жить вне семьи, знающего, что она порою испытывает нужду, и не имеющего возможности помочь жене и детям не только по соображениям конспирации. Чаше всего просто нечем было помочь...

И отношения с женой, единомышленницей поначалу, становились со временем все более сложными, так как чем дальше, тем больше укреплялась она в своем заблуждении, полагая, что муж действует в революции не совсем правильными методами.

Однако, пожалуй, самые сильные, буквально трагические переживания Дубровинскому, человеку кристальной и бескомпромиссной честности во всем, доставляли вести о предательстве в революционной среде. Одно дело — оплошности и ошибки: как было обойтись без них на нехоженом пути! И совсем другое дело, когда человек предательство превращал в профессию, когда он с предельной естественностью (ее не назовешь даже артистизмом, потому что в этом понятии уже заключено нечто от лицедейства), той естественностью, которая порождает максимальное доверие и даже человеческую симпатию, отправлял людей на смерть. Десятки, сотни! Лучших и в профессиональном и в нравственном отношении.

«Он ненавидел подозрительность, он привык свято верить в людей, в товарищей, он не мог заставить себя оценивать как предательские чью-то улыбку, опущенные глаза, слово, жест, непонятный поступок. И не мог запретить своим мыслям опять и опять возвращаться на один и тот же круг. Это его точило физически больше, чем перемежающаяся температура и грудь раздираю-

щий кашель. Это изнурило нравственно больше, чем в открытую заявленная ему перемена партийных позиций прежними его друзьями».

Ненавидя подозрительность, быть вынужденным культивировать ее в себе, потому что проникали в ряды партии такие, как Серебрякова («Мамочка» у Зубатова), Корнатовская, Шорникова («Акация»). Когда дошли до него три эти разоблачения и не поверить в них было невозможно, «дошли, не давая даже времени распрямиться после каждого очередного удара, он внутреннее как бы окаменел. Не для людей — для себя».

В значительной мере именно такого рода удары привели к трагическому финалу. «Лучшим из лучших», «достойнейшим из достойнейших» был назван Дубровинский в некрологе, опубликованном партийной печатью.

Воссоздающий крупным планом фигуру одного из замечательных революционеров роман С. Сартакова «А ты гори, звезда!» позволяет коснуться вопроса, который в последнее время в сфере историко-революционного жанра приобретает все большее значение, — об эпической широте биографического повествования. Критика обращает внимание на такую разновидность романа, который называют эпопеем («роман с широким захватом событий, множеством характеров, параллельными сюжетными линиями», по характеристике Л. Якименко). В этом плане с полным основанием рассматривал Ю. Суровцев «Сибирь» Г. Маркова.

В данном случае хотелось бы сузить этот вопрос, чтоб обратить внимание на проблему эпической широты биографического повествования (то есть, иными словами, романа, построенного на фактах биографии одного главного героя, резко выдвинутого на авансцену событий).

При прочих равных условиях значение эпопеи как формы, наиболее адекватной размаху и мощи революционных событий, является наибольшим. Как уже говорилось, соприкасаясь вплотную с материалом, поражающим воображение своей обширностью и внутренним богатством, писатели порою испытывают своего рода «сопротивление материала» и корректируют свои первоначальные намерения в сторону большей широкоохватности. Повествование С. Сартакова привлекает не только основательностью воссоздания картин революцион-

ного движения, внутрипартийной борьбы на протяжении более двух десятилетий (1891—1913 гг.), но и жизни России в целом.

Заслугой С. Сартакова является то, что он, пожалуй, впервые в историко-революционной прозе столь широко отразил деятельность наиболее изощренных представителей контрреволюции, пытавшихся прибрать к рукам руководство рабочим движением (Зубатов, Гапон). Можно согласиться с мнением критики, указывавшей, что механику их психологической атаки на рабочий класс писатель вскрывает с реалистической полнотой. Но, вероятно, самое главное и трудное, что удалось писателю, это изображение Гапона и гапоновщины как порождения кричащих противоречий русской действительности начала века. Если б с самого начала Гапон был примитивным платным провокатором, то он не мог бы получить на некоторое время такого — пусть и кратковременного — ошеломляющего влияния на широкие массы трудящихся. Наряду с адским честолюбием (шутка ли, он хотел единолично представлять интересы рабочих перед самим царем!) в Гапоне жило и стремление как-то облегчить каторжные условия жизни пролетариев, но — только в рамках легальных уступок со стороны власти. Однако русская действительность в лице не знавших никаких норм в обращении с рабочими промышленников, подобных владельцу Путиловского завода Смирнову, не пожелавшему даже выслушать справедливые требования трудящихся и оскорблявшему их при этом, внесла такие поправки в действия легальных пролетарских организаций, которых не ожидали и их устроители. Или рабочие, или капиталисты. Третий путь был исключен. Гапон оказался во власти течения и уже ничего не смог бы сделать, чтоб предотвратить трагедию, даже если б и захотел. К сожалению, этот уровень изображения выдержан не до конца, и Гапон за границей выглядит все более как заурядный поклонник чувственных удовольствий.

Так или иначе опыт С. Сартакова в жанре историко-революционного биографического повествования с определенными «выходами» в эпопею, безусловно, заслуживает внимания.

Еще дальше в сторону эпической широты повествования идет А. Алдан-Семенов в романе «Красные и белые», воссоздающем картины гражданской войны, но

идет он другим путем. Писатель как раз избегает биографичности и стремится едва ли не к максимально возможной в рамках избранного сюжета широкозахватности. Роман А. Алдан-Семенова любопытен в том отношении, что обрисовываемые в нём исторические события — не только средство выявления характеров (как это бывает чаще всего); писателю как будто равно интересны и люди, вносящие свой индивидуальный вклад в события, и события, творимые людьми коллективно и поэтому не похожие на представления о них тех, кто их совершает. Одни события раскрываются подробно, всесторонне, о других говорится только вскользь, но и такое, мельком оброненное замечание порою довольно любопытный штрих к картине, исполненной противоречий классовой борьбы.

Именно таково упоминание о событиях, раскрывающих кричащий парадоксализм гражданской войны: два сорок пятых полка — один красных, другой белых — с разных концов вошли в одну и ту же деревню, располагаясь на ночлег, вошли в соприкосновение друг с другом, и только к утру обнаружилось, «кто есть кто».

«Красные и белые» — широкая панорама гражданской войны в Поволжье, на Урале и в Сибири. В его сюжет включено множество реальных исторических лиц и вымышленных персонажей. Два борющихся лагеря представляют соответственно Тухачевский, Азин, Маркин, Л. Рейснер, Штернберг, Саблин, Эйхе, Шорин, Шурмин; с другой стороны — Колчак, Каппель, Войцеховский, Пепеляев, Будберг, Гайда, Старк — да всех и невозможно перечислить.

Вполне понятно, что при таком обилии действующих лиц автор не стремится к детальной разработке психологических характеристик, к анализу оттенков душевных переживаний героев. Состояние внутреннего мира он рисует обычно несколькими резкими мазками, которые тем не менее передают индивидуальное своеобразие персонажей (хотя нельзя сказать, что такой прием позволяет добиться успеха во всех случаях). Отсюда же, вероятно, и сгущенность, концентрированность речевых характеристик в массовых народных сценах, придающая им черты некоторой условности, за которой по временам скрывается схематизм.

Рисуя исполненную драматических событий картину противоборства двух социально-политических лагерей,

Алдан-Семенов стремится избегать упрощений и, несмотря на содержательную определенность двух цветов, вынесенных в название, не изображать каждый лагерь только одной краской, показывая и противоречия развития событий, и трудности народного движения, вызванные прежде всего многовековой отсталостью и темной народных масс.

При всем этом главное, что неизбежно приводит к краху белое движение,— отсутствие идеи, организующей людей, привлекающей народ. Ну, а звериная жестокость колчаковцев могла дать результаты только обратные тем, на которые рассчитывали палачи. Это становилось ясно даже сторонним наблюдателям, вроде западного журналиста Джемса, который приходит к таким выводам: «Вот чего нет у противников Ленина — идеи, за которую стоит умирать! Главная идея их заключена в порабощении своего же народа».

В романе впечатляюще показано внутреннее разложение белой армии, возглавляемой Колчаком. «Я бы отбился от красных,— не без самонадеянности заявляет он,— справился бы с партизанами, но бессилён против разложения своей армии». В итоге — необыкновенная ситуация: «верховный правитель» в вагоне литерного поезда 58А, в котором белые пытаются вывезти золотой запас России, оказывается в положении пленника, конвоируемого сначала союзниками, а потом и партизанами.

Среди представителей генералитета белой армии образ адмирала Колчака выписан наиболее всесторонне (чему немало способствовало привлечение новых материалов, обнаруженных автором в многочисленных архивах). Он — последовательный и убежденный сторонник своего обреченного класса. И логика классовой борьбы на стороне контрреволюции лишает его человеческого облика, делает кровавым зверем, бездушным вешателем.

Как композиционную антитезу Колчаку можно рассматривать образ Азина. Сначала командир Особого коммунистического батальона, а затем дивизии, Азин — живое воплощение революции, прежде всего сильных сторон, но в немалой мере и порождаемых ею противоречий.

Азин — стремительный порыв, безоглядная удаль, непримиримость к врагу, а порой и к своим, нарушаю-

щим суровые законы классовой борьбы. «Война, окопы, человеческая кровь огрубили Азина. После революции мир разделился на белое и красное. Только эти два цвета воспринимал он — никаких тонов, полутонов, светотеней». Но так было поначалу. Постепенно, извлекая уроки из опыта гражданской войны, Азин преодолевает излишнюю «вспышкообразность» своего характера, склонность к необдуманному риску (и командарм Шорин получает основания сказать, что Азин мужает, растет как личность: «Я рад! Ты теперь не просто воюешь, ты осмысливаешь каждый бой. Это осмысливание меняющихся во время боев событий очень важно»).

Немалую роль в изменении характера Азина играет его любовь к Еве Хмельницкой, дочери врача, зверски замученного на барже смерти под Казанью. Может быть, именно в сценах любовных встреч Азина и Евы с особой силой ощущаешь, до чего молоды были многие из тех, кто определял своими действиями характер разворачивающихся событий, что счастье любви, наслаждение богатством природы и всего окружающего мира им приходилось познавать лишь в краткие промежутки между боями, каждый из которых грозил гибелью и их любви, и им самим. Так оно и получилось: сначала из жизни ушла Ева, а в конце романа читатель сталкивается со сценой расстрела Азина колчаковцами, тщетно пытавшимися склонить его к переходу на их сторону.

С приведенными выше словами Шорина об изменениях в характере Азина перекликаются итоговые рассуждения Тухачевского в конце повествования. Дружески полемизируя со своим товарищем, сказавшим, что, воюя, рабочие и мужики не должны давать возможности генералам думать («они нас передумают и победят»), Тухачевский заявил: «Рабочие и крестьяне за год прошли такую школу войны, что многие из них стали комбригами, комдивами, командармами революции. Из солдат они превратились в стратегов, научились бить и царских и иноземных генералов... Мы «передумали» наших неглупых врагов и победили».

Выше говорилось, что важной в романе «Красные и белые» является идея духовного и интеллектуального роста человека из народа, его аналитических способностей. К сожалению, не всегда эта важная мысль находит соответствующую идейно-художественную реализацию

в словах и поступках героев. Порою складывается впечатление, что интеллектуальное начало, как бы независимо от воли автора, так сказать, «по-партизански», узурпировал Игнатий Парфенович, странствующий философ, примкнувший к красным и постепенно все более проникающийся их идеями (образ любопытный, несколько напоминающий, впрочем, по своей резонерской функции и характеру Кузьму Кузьмича Нефедова в «Хождении по мукам» А. Толстого).

В одном из выступлений Алдан-Семенов сказал: «Тема гражданской войны — главная в моем творчестве, цель жизни». Это подтверждает появление повести «Поход за последним «тигром» и романа «На краю океана», вобравшего в себя повесть в переработанном виде (случай далеко не единичный в практике создания больших произведений). «На краю океана» непосредственно примыкает к «Красным и белым», рисуя завершение гражданской войны на Дальнем Востоке. Новое, что отчетливо прозвучало в романе, — борьба за становление Советской власти в условиях максимальной отдаленности от центра («два цвета времени — красный и белый — полыхали в Восточной Сибири, постепенно достигая самых глухотных мест»), необходимости учета издавна сложившихся традиций и обычаев многочисленных национальных меньшинств, ликвидации тех «левых» перегибов, которые допускались в иных случаях (как было в Якутии, где руководители извратили решения X съезда партии по национальному вопросу, начав преждевременную ликвидацию хозяйств кудаков и кооперации бедноты). В целом роман убедительно воссоздает неизбежность утверждения новых социальных отношений в самых дальних уголках России.

* * *

Как известно, Великая Октябрьская социалистическая революция произвела великий раскол в лагере интеллигенции, определенная часть которой оказалась за границей. Крах белой идеи, горестная судьба тех из оказавшихся за рубежом, кто заблуждался, нашли свое правдивое изображение еще в 20-е годы в творчестве А. Толстого, М. Булгакова, И. Эренбурга и других писателей. После длительного забвения тема человека вне родины начала привлекать внимание писателей в 60—70-е годы: «Возвращение» Н. Ильиной, «Париж — Него-

релое» А. Тверитиновой, мемуарные повести В. Андреева «История одного путешествия» и «Возвращение в жизнь», «Люди и звери» — кинороман С. Герасимова, «Перед зеркалом» В. Каверина, «Трагедия художника» А. Морова (об актере М. Чехове), книги воспоминаний Л. Любимова «На чужбине», Д. Мейснера «Миражи и действительность», Б. Александровского «Из пережитого в чужих краях» и др.

После того как социализм победил в нашей стране окончательно и бесповоротно, в этих книгах произошло определенное и в общем вполне понятное перемещение акцентов. Если А. Толстой беспощадно бичевал проходимца и мещанина Невзорова, готового задушить революцию и посягнуть на мировое господство, то последующие авторы с меньшим «нажимом» изображают русских на чужбине, так как они утратили свою прежнюю политическую опасность, а те из них, которые попали во власть беспощадной ностальгии, могут даже вызвать определенное человеческое сочувствие.

Ясно, что исходным условием при разработке данной темы, очень ответственной в современных условиях усиления международных контактов (а следовательно, активизации нарушившихся ранее родственных и иных связей между людьми), является принцип конкретного историзма. Небесполезно будет напомнить также, что именно из среды русских эмигрантов в первую очередь вербовала американская разведка лиц, способных идеологически «обслуживать» антисоветскую деятельность таких радиостанций, как «Свобода» и «Свободная Европа».

Забвение принципа социально-классового, конкретно-исторического подхода к действительности может привести к краху замысел, исполненный самых благих намерений, и породить результат едва ли не прямо противоположный искомому. И. Рачада в пьесе «Родина и чужбина» сделал благую попытку сопоставить судьбы двух русских писателей, И. Бунина и А. Толстого, и показать, как возвысило А. Толстого постижение смысла Великого Октября. Но автор не дал себе труда познакомиться с работами литературоведов и историков, давно раскрывших сложные процессы, протекавшие в среде русской эмиграции в первые дни после Октября и дающие богатейшую пищу для раздумий художника. Вместо этого драматург стал произвольно смещать факты во вре-

мени, искажая подлинную картину и одновременно начал оснащать сюжет невероятными «подробностями» экзотического и авантюрно-детективного характера. Здесь и любовные истории из жизни Есенина, не имеющие никакого отношения ни к Бунину, ни к Толстому, и сцены с цыганами, и попытки похищения церковных драгоценностей, и готовящаяся над А. Толстым физическая расправа, предугаданная своевременно подосланными из Москвы «агентами» Дзержинского... Словом, вместо изображения сложных и вполне реальных процессов идейно-политического прозрения А. Толстого «занимательность» самого дурного пошиба.

Довольно широкое распространение в последние годы в литературе получила детективная разновидность историко-революционной прозы. В таких произведениях, как «Возмездие» В. Ардаматского, «Пароль не нужен» и «Бриллианты для диктатуры пролетариата» Ю. Семенова, «Мертвая зыбь» Л. Никулина особое значение имеют напряженная интрига, неожиданные повороты действия. Надо сказать, что чаще всего детективная напряженность повествования является не следствием изощренного воображения, помноженного на профессиональный опыт автора,— подобные возможности заключены прежде всего в самом материале, в драматической необыкновенности реальных судеб и событийных ситуаций. Не случайно, например, революционер Петр Лавров говорил в свое время, что знакомый с судьбой Германа Лопатина потомок «будет иметь в руках материал для биографии, имеющей интерес рыцарского романа с приключениями».

Общеизвестно, что подобные книги пользуются повышенным читательским спросом. К сожалению, однако, не всегда реальный сюжет обеспечивает подлинную содержательную наполненность повествования, иногда имеет место ослабление авторского внимания к характеристам героев, их внутренней психологической сущности. Именно это произошло, например, с романом Ю. Семенова «Бриллианты для диктатуры пролетариата». Когда характеры не получили оригинальной и психологически достоверной трактовки, не спасают ни сюжет, ни подлинные документальные вставки— тоже своего рода «информация к размышлению»: все дело в том, что размышлять-то не о чем.

Эти недостатки усугублены в двухсерийном фильме того же названия, оказавшемся малоудачным уже не только в психологическом, но даже и сюжетно-действенном отношении. Несмотря на погони, выстрелы, аресты, фильм попросту скучен. Главная беда в том, что в нем нет характеров, зрителю не за кого «болеть». (И совершенно иначе обстоит дело в «Семнадцати мгновениях весны», где Штирлиц — Тихонов, Мюллер — Броневой, пастор — Плятт прежде всего характеры.)

Стремясь к документальной точности в воссоздании событий прошлого, писатели не должны забывать, что главная эстетическая задача, которая стоит перед литературой, — это не реконструкция фактов, а раскрытие «психологии фактов» (говоря словами Горького), внутреннего мира тех, кто эти факты творит.

Н. Г. Чернышевский писал в свое время: «Психологический анализ есть едва ли не самое существенное из качеств, дающих силу творческому таланту». Что бы там ни вешали некоторые критики об особенностях атомного, синтетического, кибернетического XX века, это положение полностью остается в силе. В условиях развитого социалистического общества особенно важно показать богатство внутренней жизни советского человека, тех людей, которые боролись за построение самого справедливого строя на земле.

В этой связи хотелось бы предостеречь тех писателей и критиков, которые, отдавая законную дань документализму в современной литературе, вольно или невольно фетишизируют документ, преувеличивают возможности монтажа фактов и тем самым вольно или невольно понижают активность эстетического сознания. В. Шкловский дал весьма субъективное толкование формы художественного произведения, делая ее производным от документализма. «Художественная форма произведения — это строгая последовательность документального видения вещи». Но почему же обязательно документального? Как быть с лирической поэзией, научной фантастикой?

Другой критик, оценивая повесть П. Капицы «Завтра будет поздно», пишет: «У Капицы берет в плен последовательная документальность». «Увлекает в этой повести сам факт, его полная и точная достоверность, разумеется, преподнесенная умело, со знанием дела. Но именно факт, и подчас в оголенном виде, раскрывает волну-

ющие события кануна Октября. И эта атмосфера, это событие, этот факт истории становятся мыслью и чувством, приобретают убедительность и волнующую силу образа».

Увы, далеко не всегда факт, пусть и преподнесенный «умело», приобретает силу образа. Художественный образ не возникает «сам по себе», он продукт работы писательского сознания — и не иначе.

Эти не сегодняшнему дню принадлежащие рассуждения критиков пришлось привести потому, что они в обнаженном виде раскрывают ту чрезмерную фетишизацию документализма, которая вовсе не ушла в прошлое, но существует в более прикрытом и замаскированном виде и в наши дни. Документальность — закономерное порождение современного эстетического сознания. Но когда одна манера, один способ воссоздания явлений возводится в абсолют, это не идет на пользу литературе.

Принципы художественного обобщения исторического материала неотрывно связаны с вопросом о своеобразии образно-стилевых средств, используемых писателями. По моему представлению, в области формы исторического, а точнее историко-биографического повествования в настоящее время обозначились две прямо противоположные тенденции. Одна из них связана с недостаточной активностью художественного мышления, что приводит к господству фактографии в повествовании, обилию раскавыченных цитат, а в конечном счете — к бедности собственной мысли и даже к полному отсутствию таковой. Характерный пример — роман-хроника «Мы были счастливы» Владимира Федорова о герое Октября Н. И. Подвойском. На множестве страниц книги почти буквально перелagаются воспоминания Подвойского «Год 1917», а также труды историков о нем.

Противоположностью фактографизма и даже, выражаясь несколько условно, наивного натурализма является повышенная активность художника в области формы. Интересны, например, приемы монтажа газетных материалов в «Любви к электричеству» В. Аксенова (о Л. Красине), а также введение им в повествование гротескно-сатирических элементов, придающих историческому сюжету неожиданную свежесть и новизну. Однако средства подобного рода требуют особо осторожного обращения. Например, у того же В. Аксенова кое-где

чувствуется в использовании приема этакая жестковатая экспериментальность.

Бытование в литературе этой второй тенденции предвосхищает постановку более широкого и малоизученного вопроса: *историческое повествование и принцип условности в искусстве.*

Как известно, в последние годы условность (связанная с широким использованием фантастики, таких приемов, как гипербола и гротеск) признана одним из законных средств воссоздания действительности в искусстве социалистического реализма. Но условность в произведениях притчеобразного типа — одно, а условность и конкретно-исторический сюжет, основанный на точных фактах, — совсем другое.

Очень своеобразно, с немалым мастерством стилизации в воссоздании картин быта России первой трети XIX века написана повесть Б. Окуджавы «Глоток свободы». Но, на мой взгляд, декабризм, Пестель в ней все же лишь повод для построения своего рода психологической «модели», именуемой Авросимовым (не случайно первоначальное название повести — «Бедный Авросимов»). С помощью этой модели прослеживается сложный процесс противоборства в душе человека служебно-иерархических, верноподданнических чувств, с одной стороны, и невольного сочувствия допрашиваемому, восхищения бескорыстием его подвига, вплоть до мыслей об организации его освобождения и панического отказа от них, то есть до предательства своей еще не оформившейся мечты. В сущности говоря, на месте Пестеля мог быть кто-нибудь другой, например Петрашевский или Желябов. Не это для Б. Окуджавы важно.

Полагаю, избранный писателем способ имеет право на существование, особенно если учесть усиливающуюся тягу наших прозаиков к условным формам (В. Катаев, С. Залыгин, А. Битов, В. Астафьев в «Пастухе и пастушке» и т. д.). Рядом с «Глотком свободы» можно поставить, например, изящную повесть Я. Красса «Иммакуляция Михельсона».

Правда, подобный подход к реальным фактам прошлого требует особенно бережного обращения с ними. Свобода писательского поиска не должна приводить к нарушению исторической достоверности, чего не удалось избежать тому же Окуджаве, как об этом пишет

автор обстоятельной монографии о Пестеле историк Лебедев.

Что касается историко-литературных истоков подобных произведений, то тут можно вспомнить такие опирающиеся на исторический анекдот произведения Ю. Тынянова, как «Подпоручик Киже», «Малолетний Витушишников». Относятся ли произведения подобного рода к собственно историческим или выходят за их рамки и примыкают к ним? Образ строится в них с большей, чем это допустимо в собственно исторической прозе, условностью, с большей долей художественного преувеличения и приобретает не столько конкретно-временной, сколько, условно выражаясь, «надисторический» характер. Но это отнюдь не лишает их права на существование. Появление подобных произведений — одно из доказательств широты художественного поиска, многообразия средств, которым располагает современная литература социалистического реализма.

Самосозидание личности

Усилившийся в последнее время в литературе интерес к проблемам нравственности, нравственных исканий личности в полной мере относится и к исторической прозе.

Справедливо подчеркивая превосходство коммунистической морали над буржуазной, проповедующей индивидуалистическую разобщенность между людьми, мы допустили бы ошибку, полагая, что каждый последующий и соответственно более высокий этап общественно-экономического развития обуславливает более высокие нормы нравственности, так сказать, автоматически, в равной мере на всех отрезках своего развития. Ведь не только базис влияет на надстройку, не только надстройка оказывает обратное влияние на базис, но, в свою очередь, все элементы надстройки, то есть политика, мораль, религия, искусство и т. д., влияют друг на друга, образуя очень сложную, не лишенную диалектической противоречивости комбинацию. Преимущества коммунистической нравственности проявляются не сами по себе, они требуют активного, осознанного утверждения в действительности, постоянного осмысления меры

соответствия норм морали подлинному, реально складывающемуся в процессе движения жизни характеру отношений между людьми.

Вот почему в свете ленинских указаний о роли духовных ценностей прошлого в строительстве социалистической культуры мы должны тщательно и бережно, без какого-либо упоения достигнутыми успехами анализировать нравственный опыт прошлого, брать из него все ценное для решения задач, связанных с воспитанием подлинно коммунистической морали.

Обостренный интерес к проблеме человека, нравственных ценностей сопровождается повышением требований к авторам историко-революционных произведений. Разве мало можем мы назвать произведений, где с фактической стороны все верно, произведений, написанных внешне как будто вполне профессионально, но при всем том оставляющих читателя равнодушным! В общем, он, читатель, это уже знает. Его интересуют в первую очередь не дополнительные подробности, не беллетризованное «расцвечивание» известных или даже новых фактов, а прежде всего новизна и свежесть концептуального истолкования явлений прошлого в связи с духовными исканиями современности.

Беда иных авторов произведений на историческую тему состоит в том, что они работают без ощущения подлинного величия того человека, счастье духовного соприкосновения с которым подарила им судьба, чувства, в высокой мере присущего, например М. Горькому. «Поистине: праздникам праздник и торжество из торжеств для души моей — видеть Г. А. Лопатина! Впечатление — чарующее, огромное, радостное — как будто именно его-то и ждала с тоской душа лет тридцать, и вот он пришел, чародей сказочный...»

Продолжение горьковского суждения на первый взгляд не лишено известной парадоксальности. «Только один Л. Толстой действовал на мое чувствилище столь грандиозно, только с ним беседуя — чувствовал я такую радость и гордость за человека, за нашу родину. Какое дивное лицо у его души, как он чувствует красоту, этот 23 года во гробе заключенный человек...»

Горький при оценке личности, как видим, во главу угла кладет интенсивность и страстность духовных исканий, полноту нравственной самоотдачи человека делу, смысл которого видит в принесении пользы людям.

Из соображений Горького можно извлечь следующий очень важный вывод, предостерегающий против упрощенной трактовки сложных нравственных проблем. Мы привыкли оценивать поступки и действия человека в первую очередь по той общественной пользе, которую они приносят объективно. Безусловно, в конечном счете это решающий критерий общественного поведения личности. Однако чем дальше, тем все большее значение приобретает, и мера сознательной активности участия человека в общем деле, его внутренняя убежденность, то есть фактор субъективный. Ведь в конце концов важно не только то, что человек приносит не зло, а добро потому, что так «принято», и потому еще, что за зло «накажут». В первую очередь важно в поведении человека то, что ни в каких условиях не позволяет ему отступать от избранных норм нравственности, даже если это сулило бы ему личную выгоду. Поэтому, анализируя действия представителей допролетарских этапов освободительного движения, мы сегодня, как, вероятно, никогда ранее, должны оценивать не только их политическую программу и тактику, не поднимавшиеся до уровня марксистской концепции эпохи и способов ее революционного преобразования, но и характер собственного отношения к избранному делу, то есть характер самоотдачи.

Важнейший исходный вопрос любого историко-революционного произведения — о причинах, приведших человека к революции. Тот же Герман Лопатин с присущей ему страстной убежденностью возражал против неверного изображения мотивов включения в революционную борьбу.

Конечно, были у революции и временные попутчики, присоединившиеся к ней случайно и всякий раз отшатавшиеся в сторону, как только тучи начинали сгущаться над головой. Подлинными революционерами, составлявшими большинство, становились те, кто пришел к глубочайшему убеждению в необходимости коренного преобразования жизни.

Надо сказать, изображение самого процесса рождения внутреннего протеста против фактов социальной несправедливости, с которыми столкнулся человек и которые привели его потом на суровый путь революционной борьбы, все еще остается уязвимым местом во многих книгах на историко-революционную тему.

Однако не менее сложные проблемы встают перед повествователем, когда он начинает раскрывать внутренний мир революционера в процессе его практической деятельности. И едва ли не в первую очередь здесь важно воссоздать искусство целеустремленного самовоспитания, умения извлекать из фактов нравственные уроки и делать выводы на будущее. Задача подобного рода вплотную смыкается с одной из актуальных задач в сфере современного духовного строительства, и это как нельзя лучше характеризует актуальность, «сегодняшность» произведений, хронологически обращенных в прошлое. Напомню слова одного из современных общественных деятелей: «...особый социальный смысл в современных условиях, как нам кажется, приобретают вопросы усиления самоконтроля личности, особенно ее нравственного самовоспитания. Пробудить у каждого человека потребность к самосовершенствованию, к целенаправленному формированию своих убеждений, чувств и привычек, углубить его самооценку своих побуждений, качеств и действий, развить его стремление к утверждению себя как моральной личности — над всем этим мы должны работать каждодневно, систематически. Имея необходимые объективные условия, сознательно и активно стремящийся к преодолению различных отрицательных сторон действительности человек вместе с тем избавляется от собственных пороков, в том числе и от страсти к накопительству материальных благ, корыстолюбия, становится всесторонне развитой личностью»*. Думается, решению именно этих вопросов может способствовать современная историко-революционная проза, в которой концепции личности и проблеме нравственных ценностей уделяется столь большое внимание.

Весьма распространенным в дооктябрьской русской литературе был тип, условно говоря, «естественного» человека, живущего по формуле героя бунинского рассказа «Божье древо»: «Куды ветер, туды и она». Бытование этого типа в литературе было связано с противоречивостью уклада России, наличием в нем сильных традиций патриархальности. В лице революционера литература выдвигала тип активной личности, перестраи-

* П. Гришкявичус, Первый секретарь ЦК КП Литовской ССР. Мир человека: духовное и материальное. — «Литературная газета», 1976, 21 января.

вающей не только общественное бытие: революционер «делал» и «переделывал» себя.

Один из друзей Степняка-Кравчинского очень метко назвал его «выработанным революционером». Согласно меткому ленинскому замечанию, Я. Свердлов «каждое из своих замечательных свойств крупного революционера выковал сам»*. Жена Николая Островского Раиса Порфирьевна в статье о писателе Николае Бирюкове, напомнив о страшной катастрофе неподвижности, постигшей совсем еще молодого человека, комсомолец, заключает: «Вывранный из общей шеренги строителей, Николай с присущей ему одержимостью начинает строить... себя».

Три примера, относящихся к трем различным хронологическим пластам отечественной истории. Но однородно в своей сути внутреннее отношение человека к себе, способность до конца пойти по пути самосозидания.

С этим диалектически связано у революционера внешне прямо противоположное качество — способность к полному самоотречению, готовность отдать все, вплоть до самой жизни за свои убеждения. И то и другое качества как будто хорошо известны, но, думается, только их совокупность, их взаимодополняемость (при внешнем взаимоотрицании) позволяют в полной мере представить облик высокоразвитой в нравственном отношении личности.

Вспомним примечательное признание декабриста С. П. Трубецкого: «Я убежден, что если бы я не испытал жестокой превратности судьбы и шел бы без препятствий блестящим путем, мне предстоявшим, то со временем сделался бы недостоин милостей Божьих и утратил бы истинное достоинство человека. Как же я благословляю десницу Божию, проводшую меня по терновому пути...»

Таким образом, по С. П. Трубецкому, истинное величие человека обреталось им по мере утраты жизненных благ, в страдании, в испытании.

Что касается декабризма, то тут, как известно, именно литература сделала более всего для того, чтобы раскрыть нравственный пафос поведения первенцев свободы. В самом деле, обратившись к исторической

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 75.

науке, мы обнаружили множество обстоятельных трудов о генезисе движения и его сущности, структуре тайных обществ и их идеологии, стратегии и тактике и т. д. Но только в последнее время, в связи со 150-летием восстания на Сенатской площади, стали появляться работы, посвященные их нравственному кодексу*.

Вполне понятно, что события 14 декабря 1825 года предметом развернутого художественного анализа могли стать не сразу: сами имена государственных «преступников» долгое время было запрещено упоминать в печати. Но общественный резонанс декабристского восстания был столь велик, что первые произведения о декабристах стали появляться еще при их жизни и не только в России, но и на Западе (здесь уже в 30-е годы XIX века, например, появилась поэма А. де Виньи «Ванда», поэма в прозе Ю. Словацкого «Анчелли», в основу которых была положена судьба Е. Трубецкой).

Если говорить о русской литературе, то стоит обратить внимание на следующий в общем достаточно известный сам по себе факт. Поэму «Русские женщины», посвященную дворянкам М. Волконской и Е. Трубецкой и исполненную чувства самого высокого уважения к ним, создал не кто иной, как представитель второго этапа освободительного движения, певец крестьянской демократии Н. А. Некрасов. Тем самым он как бы подчеркивал живую преемственность нравственных норм, рождаемых протестом против социальной несправедливости.

Продолжая плодотворные традиции русской классики, советские писатели создали немало интересных книг о декабристах. Это романы Ю. Тынянова «Кюхля», М. Марич «Северное сияние», А. Слоним-

* Одна из них (принадлежащая, кстати сказать, не историку, а литературоведу Ю. М. Лотману) посвящена «бытовому поведению» представителей первого этапа освободительного движения как историко-психологической категории. (См. сб. «Литературное наследие декабристов». «Наука», М., 1975.) Я обращаю внимание читателя на эту очень интересную в целом ряде отношений статью еще и потому, что она, вероятно, несколько озадачивает попытками применить к тонким вопросам нравственности структуралистскую терминологию, которая, как мне представляется, вряд ли способствует более углубленному пониманию предмета анализа, а порою просто мешает этому (например, когда автор ищет «код для дешифровки» поведения жен декабристов).

ского «Черниговцы», целый ряд научно-популярных биографических книг об отдельных выдающихся представителях первого этапа освободительного движения.

В последнее время выпущены интересные повести о декабристах, принадлежащие Н. Эйдельману («Апостол Сергей» о С. Муравьеве-Апостоле), В. Гусеву («Легенда о синем гусаре» о М. Луние), пополнившие серию «Пламенные революционеры». Попутно следует пожелать, чтобы разработка декабристской темы писателями продолжалась не менее активно. Что же касается серии «Пламенные революционеры», то она явно в долгу перед читателем: всего вышло три книги о декабристах. Очень мало!

Новые материалы, вводимые в оборот учеными, раскрывают перед нами дополнительные грани и штрихи общей картины движения декабристов, причем такие грани и штрихи, которые воистину драгоценны для художественного исследования и, кажется, в самих фактах таят чисто романские сюжетные ситуации. Достаточно познакомиться хотя бы со статьей «Декабристы и салон Лаваль» А. Л. Вайнштейн и В. П. Павловой в сборнике «Литературное наследие декабристов» («Наука», Л., 1975).

Использование новых исторических данных — одна из примечательных особенностей художественной разработки темы декабризма сегодня. Любопытна в этом отношении повесть-хроника Я. Гордина «После восстания», опубликованная в декабрьской — отлично сделанной! — книжке журнала «Звезда» за 1975 год, целиком посвященной декабристам.

В строгой лаконичной манере, с минимальным использованием реалий быта и, напротив, с максимальной опорой на документ автор рассказывает о жизни поручика черниговского полка Сухинова. Спасшийся от ареста и добравшийся до границы с Румынией, он мог спокойно покинуть Россию. С трудом укладывается в воображении тот путь, который он предпочел: вернуться назад и добровольно сдаться властям. Но нет — это вовсе не была сдача с повинной! Просто совесть не позволила Сухинову остаться на свободе в то время, как его друзья были в беде. Через всю страну, пешком, ни разу не присаживаясь на подводу — гордость не позволяла ему оказаться рядом с уголовни-

ками,—шел он в Сибирь, на свою добровольную каторгу.

Но ни испытание дорогой, ни безжалостный приговор не сломили его дух. Напротив — закалили и укрепили. И в Сибирь-то пришел он с тайным намерением доказать, что бороться можно и здесь.

Реальные факты биографии Сухинова убеждают, что справедливую мысль об отдаленности декабристов от народа нельзя понимать слишком упрощенно. Лучшие из дворян были абсолютно убеждены в том, что жизнь надо переделать в корне, и это по временам позволяло им найти нужный подход к солдатам. Сухинов, например, отлично сознавал, какой «горючий материал» представляют собой сосланные на каторгу за различные провинности «нижние чины». «И это были люди, обученные драться. Сухинов это прекрасно понимал. Сам много лет служивший солдатом, он умел находить с этими людьми общий язык без малейшего труда».

История тщательно разработанного плана восстания и побега за границу, не состоявшихся по вине предателя-уголовника, мучительнейшей смерти, которую принял Сухинов, составляет центральное звено сюжета повести.

Не меньшее внимание в разработке декабристской темы уделяет литература и судьбам тех людей, которые не были непосредственными участниками политического движения, но разделили их участь. Речь идет о женах декабристов. И подобный интерес нельзя рассматривать как отход от главного и обращение к «второстепенному». Анализируя фильм «Звезда пленительного счастья», рецензент «Правды» весьма резонно писал о том, что содержательная и увлекательная картина о любви Волконской, Трубецкой, Анненковой-Гебль к декабристам основывается на вполне достаточном материале и не выигрывает от включения эпизодов чисто политического характера, в которых участвуют их мужья,—в данном поэтическом контексте эти эпизоды не выглядят органично*.

Самоотверженность Волконской, Трубецкой, Анненковой широко известны. Меньше знает читатель о дру-

* А. Липков. История любви, история времени. — «Правда», 1976, 18 июля.

гих женах, поехавших вслед за своими мужьями или возлюбленными в Сибирь. О судьбах этих воистину удивительных женщин рассказывает документальная повесть Марка Сергеева «Подвиг любви бескорыстной». Осознание внутренней масштабности задачи, вставшей перед автором, хорошо чувствуется в его словах: «Мне хотелось построить книгу так, чтобы читатель, знакомясь с превратностями судеб жен декабристов, ощутил эпоху, увидел взаимосвязь отдельной человеческой жизни с судьбой родины, понял величие подвига «лучших из русского дворянства...»

Все это отчетливо проступает, например, в очерке о Марии Николаевне Волконской. Для того чтобы отправиться к мужу в Сибирь, ей пришлось не только проявить огромную самоотверженность, но и преодолеть все растущее сопротивление родных, поначалу долго скрывавших от нее правду. В книге хорошо показано, что свое пребывание в ссылке Мария Николаевна, подобно другим женам декабристов, рассматривала не только как поддержку мужу: с самого начала действия приехавших в Сибирь были направлены на то, чтобы по возможности поддерживать дух всех героев 1825 года. Сколько писем, например, часами не разгибая спины, писала Волконская родственникам многих декабристов, сообщая правду об их положении (ведь сами они не имели права переписки)! Даже со стороны заматерелых уголовников снискала Волконская высокое уважение. Словом, сама личная жизнь Волконской все более приобретала общественное наполнение, а действия ее — гражданский смысл. И, надо полагать, прав писатель в таком смелом заключении: «В каком бы героическом ореоле ни предстал теперь перед ней подвиг ее мужа, она чувствовала необходимость в *собственном* поступке, в *собственном подвиге*, она увидела не только нравственную справедливость в решимости последовать за мужем в Сибирь, но и *политический* смысл такого акта».

Совершенно по-новому стали складываться в ссылке и ее отношения с мужем. Сергей Григорьевич был старше ее на двадцать лет, и в пору подготовки восстания тщательно скрывал свою тайную деятельность от молодой жены, порождая в ней всевозрастающее недовольство своей отдаленностью. Теперь М. Н. Волконской стал полностью ясен смысл его действий. И пер-

вое, что она сделала, увидев мужа после разлуки, поцеловала холодный тяжкий металл кандалов, в которые он был закован.

Но ей была присуща не только одухотворенная романтическая возвышенность поступков. Может быть, еще большее преклонение вызывает выработавшаяся в ней с годами способность к систематическому действию, приносящему практическую пользу, искусство в самых невероятных условиях добиваться максимума того, что можно достичь. Отсюда — чувство высокой внутренней удовлетворенности, пришедшее к ней: «...верьте мне, что счастье найдешь всюду, при любых условиях; оно зависит прежде всего от нашей совести; когда выполняешь свой долг, и выполняешь его с радостью, то обретаешь душевный покой».

С неменьшим интересом и пользой читаются в книге М. Сергеева главы о Е. И. Трубецкой, А. Г. Муравьевой, Н. Д. Фонвизинной, П. Е. Анненковой и заключительная (об А. В. Ентальцевой, Е. П. Нарышкиной, А. И. Давыдовой, М. К. Юшневской, А. В. Розен, Камилле Ладентю, Варваре Шаховской). Остается пожелать, чтобы скорее были реализованы планы автора дать о каждой из этих женщин самостоятельный рассказ.

Не в последнюю очередь историко-революционный роман интересен изображением тех людей, которые порывали все связи с породившей их средой, покидали свои семьи. В романе Ю. Трифонова «Нетерпение» А. Желябов говорит Перовской: «...Дворник и ты из дворян, Семен из дворян, Мария Николаевна то же самое, Михайло — сын фельдфебеля, Тигрыч — военного фельдшера, Кот Мурлыка, Фигнер, Корба, Суханов — все из дворян, Баска, Кибальчич — дети священников... Я один крестьянский сын».

Люди сознательно отрекались от всего, что имели, без надежды обрести что-либо взамен. Такие, как Желябов, любили жизнь и только-только приобщались к ее земным радостям. Но выше всего они ставили свои убеждения. Чего стоит проникнутое предельным нравственным максимализмом письмо Желябова царской администрации, в котором он требует, чтоб его судили вместе с покушавшимися на царя, хотя он в этом и не успел принять участия! Да и каждый день, готовя подкобы, снаряжая бомбы для монарха, народовольцы

вполне сознательно и гордо приближали день своей гибели. Перед нами героизм совершенно особого рода, отличный, скажем, от фронтового, когда наряду с шансами умереть в бою существовали и шансы выжить. Здесь жизнь сознательно и последовательно приносилась в жертву будущему.

Представителям второго этапа освободительного движения наши писатели посвятили немало книг. Высокую оценку критики получили книги Ю. Давыдова «Март», «Глухая пора листопада», «Завещаю вам, братья», Н. Строковского «Жизнь во втором чтении». Все они ставят в центр внимания одну выдающуюся личность. Может быть, именно Ю. Трифонов в «Нетерпении» более, чем другие авторы, работающие на сходном материале, активно используя возможности романного мышления, позволяет сопоставить различные типы революционеров-единомышленников. Одно дело Андрей Желябов, Софья Перовская и их друзья, героизмом своего поведения постоянно поддерживавшие друг друга. Поездки, конспиративные встречи, новые знакомства, подготовка террористических актов — вся их деятельность была овеяна атмосферой романтики.

Не иначе как по контрасту воспринимается на первых порах в их ряду Николай Васильевич Клеточников, тщедушный, бледный человек в очках, всем своим видом олицетворявший как будто прозу, будни, неспособность к каким-либо решительным действиям. Но именно его-то деятельность в рядах народовольцев требовала особой самоотверженности. Безукоризненный в своей пунктуальности канцелярист, он сумел внедриться в Третье отделение и регулярно поставлять друзьям по организации ценнейшие сведения. И все это с риском ежедневного разоблачения, в обстановке той полной секретности, при которой нельзя было получить моральную поддержку даже от друзей.

Скромность, готовность остаться в тени, принося делу возможно большую пользу и только в этом видя высшую и единственную награду, — таковы те черты революционности, которые позднее были развиты Горьким в его «чернорабочих, мастеровых революции». Именно в такой незаметности революционер утверждал себя как личность. И наоборот, желание подчеркнуть свою значительность, пусть даже и реальную, самолюбование, незаметно перерастающее в позерство, при-

водили к самым тягостным последствиям. Не иначе как антиподом Клеточникова выглядит Гольденберг. Прокурор Добржинский подметил в нем «болезненное самолюбование», которое виртуозно использовал против народовольцев. Образ Гольденберга сложен, в определенной мере даже трагичен: он не стал предателем, который хотел спасти собственную шкуру ценой жизни других людей; выдавая соратников, он думал, что превосхищает своими действиями худшее в судьбе «партионцев». Тем не менее ужасающий вред, нанесенный им «Народной воле», не становился от этого меньше.

Сквозным поэтическим образом романа Ю. Трифонова становится вынесенное в заголовок лаконичное *нетерпение*. И как всякий образ действительно большого искусства, этот образ многогранен. По крайней мере два слагаемых отчетливо различаются в нем. Порыв, энергия, бескомпромиссность, стремление любой ценой, вплоть до собственной жизни, сломать эту ненавистную застойность царской империи. Словом, движение, преодолевающее косную стихию неподвижности. Но, вглядываясь в этот поэтический порыв пристальнее, мы начинаем различать то, что рождает в нем нечто прямо противоположное: это сторона нетерпения связывается в нашем сознании с недостаточной аналитичностью восприятия жизни, стремлением скорей, во что бы то ни стало утвердить в ней свои представления. Да, скорей,—чего бы это ни стоило!..

Но в таком случае бомбы рвутся преждевременно, не принося ущерба тем, для кого они предназначены, а по временам унося жизни ни в чем не повинных людей. В таких действиях народовольцев при их полнейшей субъективной честности мы все же имеем основания различить то, что впоследствии, уже в наши дни, обернется «левым» экстремизмом. Возможно, у писателя не было субъективного намерения попасть и в эту цель. Но, появившись на свет, творение искусства начинает собственную жизнь, и богатство внутренних поэтических связей может привести читателя к выводам, которых не имел в виду литератор. Между тем в подобной многомерности художественного образа находит выражение едва ли не одна из самых сильных сторон дарования Ю. Трифонова, которую можно обоз-

начить как художническую дерзость, способность, создавая, дойти до высшей точки, за которой обозначается диалектическая противоположность: в явлении безусловно положительном с нравственной точки зрения, в действиях людей, вызывающих наше восхищение, внимательный взор художника-исследователя различил зерно исторического самоотрицания.

Воссоздание событий и образов героев во всей их многосложности и драматизме — одна из самых сильных сторон романа Ю. Трифонова. Герои «Народной воли» своими самоотверженными действиями, своим нетерпением никак не могут растормошить долготерпение и неподвижность народа, а то и страдают от непонимания уличной толпы. Стремясь объединить все силы для удара по царизму, они вынуждены много энергии тратить на острые внутренние споры о путях развития революционного движения, о противоположности «револьверщиков» и «деревенщины». Исповедуя высокое равенство всех участников организации перед делом, они сталкивались с противоречиями иерархического подчинения друг другу, что приводило к таким отвратительным явлениям, компрометирующим самый дух революционности, как нечаевщина. Не отсюда ли исполненное высочайшего драматизма признание Веры Фигнер: «Вся моя энергия уходит на то, чтобы скрыть свое внутреннее состояние и быть бодрой для других»; «...я чувствую себя несчастной, глубоко несчастной».

Оказывалось, что внутренней убежденности в справедливости поставленной цели мало для осознания себя счастливым человеком. Нужно было реальное утверждение дела в действительности, выход этого дела в дела и судьбы других людей. Так, сама жизнь требовала смены форм революционного воздействия на историю, а это можно было сделать только на основе научного распознавания ее собственных законов. И только опираясь на эти законы, могла утвердиться высшая нравственность революционного служения народу. Носителями ее стали большевики-ленинцы. Но о них уже говорилось в этой брошюре.

В заключение одно лишь замечание. Важной проблемой историко-революционного жанра является преемственность революционных идей, преемственность, не исключаящая, понятное дело, критического переосмысления предшествующего опыта и разумного отталкивания

от него. Сегодня как будто здесь все достаточно очевидно, и кажется удивительным такой случай из прошлого: в 1925 году один из видных публицистов выступил со статьей, в которой ставил вопрос, какой юбилей праздновать,— 100-летие восстания декабристов или 20-летие революции 1905 года. Ответ его безоговорочно складывался в пользу второго события и в противоположность первому. Сегодня у нас вполне достаточно культурно-исторической широты, чтобы отпраздновать одновременно обе юбилейные даты, и никто как будто не ставит вопрос по принципу «или—или», не противопоставляет один этап другому.

Однако в литературной периодике в недавнее время обнаружилась другая крайность, ничуть не менее опасная. Декабризм, идеология революционеров-демократов провозглашались явлениями недостаточно органичными для русской национальной почвы. Теперь уже не различные этапы освободительного движения пересекались «вертикально» и противопоставлялись друг другу, а этой линии противопоставлялась параллельно существующая линия развития некоего внеисторического национального начала, символизирующего однородность и единство нации.

Выразительную картину преемственности революционных идей в России рисуют многие книги, в том числе из серии «Пламенные революционеры», о чем речь шла только что. Однако, думается, перед писателями встает и новая задача — конкретно, художественно выразительно показать эту преемственность в рамках одного повествования, сделать ее, так сказать, одним из «героев» книги. В самом деле, при всем обилии произведений, например, на ленинскую тему мы затрудняемся назвать такое, в котором вождь большевизма был бы показан непосредственно в состоянии напряженных раздумий над опытом предшествующих поколений революционеров.

Да, еще юношей по поводу терроризма он сказал: «Мы пойдем не таким путем...» Но создается упрощенное представление об истории большевизма, согласно которому Ленину были сразу понятны все «ошибки» предшественников. Оставалось только «отрезать» это прошлое и пойти дальше. Но для того чтобы идти дальше, большевикам в действительности не раз приходилось исследовать это прошлое, возвращаться к осмыслению его опыта (достаточно вспомнить хотя бы такие изве-

стные ленинские статьи, как «Памяти Герцена» или «Из прошлого рабочей печати в России»).

Стоит напомнить, что реально существовала не только преемственность идей, она подкреплялась и преемственностью живых человеческих контактов. Общеизвестно, что эпиграфом к ленинской «Искре» были взяты слова из стихотворения Одоевского. Но откуда они стали известны Ленину? В последнее время высказано предположение, что познакомил с ним Ленина Владимир Иванович Анненков, сын знаменитого декабриста, ставший крупным чиновником в Самаре, с которым Ленину довелось познакомиться во время своей адвокатской практики. А разве не оказала определенного воздействия на дальнейшее формирование концепции революционера у автора романа «Мать» его встреча с Германом Лопатиным, который выполнял не только роль «генерала», но порою называл себя «простым носильщиком»?

Подобного рода исследовательские выходы в непосредственные контакты представителей разных этапов освободительного движения помогут глубже представить закономерности этого движения в России, взаимосвязь нравственности и политики, смену одних форм служения обществу другими, более совершенными, но вбирающими в себя весь положительный опыт духовных исканий прошлого.

История и современность

Современность произведения об историческом прошлом — вопрос, представляющий особую важность. И хотя в той или иной мере об этом говорилось в предыдущих разделах, целесообразно остановиться на нем специально.

Несомненно, что при прочих равных условиях успех книги будет определять именно ее обращенность к нашему духовному опыту. Одна из важнейших особенностей мастерства писателя — его способность «повернуть» факты истории такими гранями, которые обнаруживают наибольшее соответствие ведущим тенденциям в сфере современного духовного строительства. Да, именно ведущим, определяющим, долгосрочным.

Вполне понятно, что операция, очень условно обозна-

ченная мною глаголом «повернуть», требует от писателя большого такта, исторической проницательности, исключая всякое насилие над материалом. Говорят, что факты — упрямая вещь. Но при всем том это ведь еще и беззащитные «упрямцы» (до тех пор, пока за них не вступится кто-то другой). Итак, открывая в прошлом то, что актуально сегодня, писатель должен избегать нарочитой модернизации материала, приводящей к одной из самых больших бед в искусстве — антиисторизму.

Роман А. Борщаговского «Где поселится кузнец» привлекателен в двояком отношении. Прежде всего читатель может узнать из него интереснейшую историю жизни человека, покинувшего царскую Россию, чтобы отдать все силы борьбе за дело республики в Америке. «Русские в Америке» — так и называлась одна из первых рецензий, в которой автор ее Г. Шторм обратил внимание прежде всего на то, что делало роман А. Борщаговского «остро политическим». И верно, разве не вызовут у читателя ассоциаций с Америкой 60-х годов нашего века хотя бы начальные сцены, описывающие покушение на президента Авраама Линкольна? Или рассуждения Турчина о том, что мы называем сейчас расовой дискриминацией? Но, конечно, наибольшую политическую актуальность в условиях разрядки международной напряженности придает роману история русского, посвятившего свою жизнь чужой стране.

Справедливо отметив, что именно процессы, приведшие к разрядке, позволили автору получить из американских библиотек и архивов ценнейшие материалы, без которых вряд ли была бы возможна эта книга, Г. Шторм особо подчеркивает, что роман А. Борщаговского чрезвычайно интересен прежде всего документальной основой.

Я нисколько не ставлю под сомнение роль документального начала в повествовании А. Борщаговского, тем более что автор счел целесообразным выделить его курсивом в тексте, а по временам дать ему и композиционную автономию, введя несколько документальных «междуглавий», представляющих или отрывки из сочинений самого И. Турчанинова, или мемуаров и писем о нем. И все же, думается мне, «Где поселится кузнец» интересен не только, а по временам даже не столько этим. Перед нами не беллетризованная биография, автор которой видит свою задачу в том, чтобы по возможности

добросовестно воссоздать факты и этим обеспечить успех. Достаточно хотя бы бегло сравнить роман А. Борщаговского с другими книгами о Турчанинове*, чтобы убедиться, что при опоре на одни и те же факты писатели ставят перед собой задачи разной степени сложности. Прежде всего «Где поселится кузнец» — это роман не по обозначению на титульном листе, а по характеру художественного осмысления материала.

Роман «Где поселится кузнец», казалось бы, не связанный непосредственно с темой нашей брошюры, на самом деле помогает лучше понять цели и движущие силы революции, приводит к мысли о коренных отличиях между демократией для народа, то есть социалистической, и буржуазной псевдодемократией (не случайно Ленин говорил о том, что американская буржуазия, «освободив» негров, постаралась уже на почве «свободного» капитализма сделать все возможное для их самого бесстыдного угнетения).

В основе книги лежит последовательная авторская концепция. Перед нами тот счастливый случай, когда концептуальные моменты, скрытые в глубине фактов, бережно, без малейших повреждений извлечены пытливой мыслью художника и — без насилия, без модернизации — подчинены этой заветной мысли. Отсюда — последовательная идейно-эстетическая целеустремленность повествования, его художественная целостность.

Центральной идеей жизни Ивана Васильевича Турчанинова, блестящего офицера, окончившего академию и обеспечившего себе, казалось, великолепную карьеру, стала социалистическая по своему содержанию идея равенства людей независимо от их происхождения, цвета кожи, национальности, религиозных убеждений. Человек разносторонней одаренности — военачальник, получивший титул генерала лично от Авраама Линкольна, инженер-железнодорожник, живописец, писатель, скрипач, Турчанинов все силы отдал служению этой идее. Драмой его жизни стало то, что не только в монархической России, где еще господствовало крепостное право, но и в республиканской Америке, где утвердились буржуазные порядки, не существовало реального поли-

* Например, с романом Д. Петрова-Бирюка «Иван Турчанинов». М., «Московский рабочий», 1973. Всего же, включая произведения С. Семенова и Д. Лучанинова, теперь об И. Турчанинове существует четыре книги.

тического равенства между людьми. И может быть, гораздо более остро, чем многие коренные американцы, переживал непоследовательность действий республиканской администрации в войне Севера против рабовладельческого Юга именно русский по происхождению и интернационалист по всему духу своему Иван Турчанинов.

Чем дальше, тем больше убеждался Турчанинов в том, что мир еще не созрел для реализации идеи подлинного равенства, что в своих требованиях, вполне справедливых и гуманных, оказался он, Турчанинов, в положении утописта. Отсюда оттенок горькой сожалеющей иронии, окрашивающей глубоко позитивное в основе своей название романа. «Где поселится кузнец, вырастет город» — утверждает американская пословица. Кузнец поселился. Но где этот город, который оставил он? Радом, основанный им? Но разве нашел он полное понимание тех, кто поселился в Радоме благодаря его, Турчина (как называли его на американский манер), деятельности? И главное — разве не остался он в конце на пепелище духа, этот прекрасный в гордом парадоксализме своих поступков старик, мечтавший о большем, о гораздо большем? Не для себя лично — для идеи.

Пример романа «Где поселится кузнец» убеждает: именно острота гражданского ощущения современности позволяет писателю найти свой угол зрения на события, вызвать заинтересованное отношение читателя.

Рассуждая о тех или иных особенностях историко-революционного повествования, мы чаще всего для удобства анализа отграничиваем соответствующие произведения от других, смежных жанровых форм (что пришлось сделать и автору данной брошюры). Таков общепринятый и наиболее распространенный подход к материалу, но он не является единственным. В сущности, исследователю историко-революционной прозы не мешало бы по временам производить операцию прямо противоположную: не отъединять ее от всего остального потока прозы современной во всем многообразии ее идейно-тематических, жанровых, стиливых особенностей, а брать в общем контексте современного литературного процесса. Тогда обнаружилось бы не только то, что специфически присуще прозе о прошлом, но и то, что «привязывает» ее ко всей остальной литературе. Более того, именно при таком подходе обнаружилась бы под-

линая актуальность некоторых проблем и мотивов историко-революционного романа.

Обратимся на миг к такому широко известному произведению, как «Сибирь» Г. Маркова. Это исполненное широкого эпического размаха полотно о народе и революции в предоктябрьские годы. И центральным обобщенно-поэтическим образом романа является то, что вынесено в его заглавие. Сибирь... Издавна это слово было синонимом ледяной неподвижности, «замороженности» духовной жизни. Помню точилку-глобус, попавшую мне в огромном магазине в Оксфорде. Что за «географические новости»? Где наша великая держава? Крошечная европейская часть территории Советского Союза (красный цвет) обозначена словом Россия. А вся остальная огромная часть (зеленый цвет) — Сибирь...

Может быть, самое интересное в романе Г. Маркова — это изображение неумолимых и реальных сдвигов в сознании народных масс, знаменующих начало широкого и мощного движения к социальному освобождению и уже тем самым опровергающих подобные предрасудки.

Выше уже говорилось о том, что историко-революционный роман нередко бывает весьма тесно связан с проблематикой произведений на современную тему. «Сибирь» Г. Маркова весьма примечательна именно в этом плане. Мы хорошо помним многие появившиеся в последние годы книги, в которых по-новому и гораздо более остро, чем раньше, ставится проблема взаимоотношения человека и природы (та, которую иной раз неправомерно сводят к охране окружающей среды). Достаточно вспомнить хотя бы такие книги, как «Белый Бим Черное Ухо» Г. Троепольского или «Царь-рыбу» В. Астафьева.

Казалось бы, столь остро вставшая перед нами проблема не имеет никакого отношения к событиям более чем полувековой давности. Г. Марков убеждает нас, что это совсем не так. Он показывает, что еще в условиях подполья большевистская партия широко и перспективно подходила к вопросам будущего устройства жизни в стране, и не в последнюю очередь — разумного использования ее природных богатств. Ситуация, прямо скажем, неожиданная: дальше всех в будущее смотрят именно те, кто внешне, с точки зрения существующего правопорядка, наименее прочно чувствуют себя в на-

стоящем. Но вся работа Ивана Акимов по спасению научного архива профессора Лихачева в Стокгольме — лишнее доказательство непоколебимой, можно сказать, гранитной убежденности большевиков в неизбежности их победы (и наверное, не случайно Акимов носил партийную кличку «Гранит»). В этом плане пробудившаяся Сибирь не изолирована не только от центра России, но и от Запада, того самого, который сам пребывает в состоянии «неподвижности» по поводу реального положения дел в Сибири.

Возможно, у кого-то из читателей возникает сомнение, не слишком ли большое внимание уделяет автор вопросам, актуальность которых мы в полной мере оценили лишь теперь? На мой взгляд, никаких нарушений художественной и исторической правды в романе нет.

Давно замечено, что в XX веке подлинные открытия происходят на стыке наук. Нечто подобное относится и к литературе. Жанр наиболее полно реализует свои возможности не тогда, когда художник ориентируется на какую-то его абстрактную каноническую модель, так сказать, идеальный жанровый эталон, этакое незримое порождение эстетического ГОСТа, а когда жанр обнаруживает способность чутко откликаться на художественные достижения в соседних и даже более отдаленных сферах. В этом плане «Сибирь», безусловно, является смелым и новаторским произведением.

Несколько иные, не менее неожиданные грани социально-философской проблемы «человек и мир природы» затрагивает С. Залыгин в романе «Комиссия», повествующем о первых шагах крестьянского самоуправления в сибирской деревне Лебяжке в 1918 году, то есть о проблемах социально-классовых.

Принципиальную новизну придает роману попытка на примере образа Устинова привести в состояние гармонического равновесия практически-опытное освоение природы, в которое человек вступает неизбежно, и духовно-философское, умозрительно-теоретическое ее осмысление, направленное на познание ее скрытых законов, таких, как таинство ритма, цвета, симметрии, неумолимого сплетения причин и следствий... И тех столь же неумолимых различий, которые порождает природа в однотипных существах, и прежде всего в людях. И там, где ранее различия между людьми порою объяснялись действием слишком прямолинейно трактуемого и взят

того изолированно социального фактора, у С. Залыгина в дополнение к нему вступает в действие закон естественных различий между людьми. Теоремой становится то, что по инерции воспринималось как аксиома.

Не касаясь всего многообразия психологических типов, изображенных в «Комиссии», напомним лишь о том неумолимом процессе нравственной дифференциации, который начинает протекать в Лебяжке. Собственно, различия между ее жителями существовали всегда. Но движение происходило незаметно, подобно реке, прикрытой льдом. Революция сломала лед. Всех она поставила в условия политического равенства, но именно в этих обстоятельствах отчетливо обнажились в людях различия нравственно-психологические. Конечно, резче всего они выступили в таких, как «крепкий хозяин» Суших. Но не о них речь.

С какой злостью, с каким презрением выступает вдруг против комиссии обыкновенный труженик Половинкин! Мотивирует он свои нападки тем, что мужику не свойственно сидеть «без дела» (а работу комиссии, само собой, делом он не считает по той простой причине, что результаты ее деятельности не поддаются исчислению в пудах зерна или картофеля). Половинкин не просто покидает комиссию, он вдруг провозглашает ей едва ли не анафему: «ентелепупия из ентелегенции» — вот кто, оказывается, заседающие в комиссии мужики! И, как бы предваряя возможные возражения, Половинкин загодя бросает: «Не говорите никто против, я все одно никому ни столь вот не поверю».

Половинкин — выразитель настроений той части трудового крестьянства, которая оказалась неспособна к самостоятельному прощупыванию путей вперед, но это еще полбеда. Беда в том, что такие и не хотели внутренне «подтянуться» выслушать доводы другой стороны, уточнить свои позиции. Нет, такие, если уже в чем-то разуверились, «никому ни столь вот не поверят». А иные даже весьма начинают преуспевать в искусстве социальной демагогии: когда одного из Кругловых обвиняют в самогоноварении, он, не моргнув глазом и с полной убежденностью в своей правоте, отвечает: «А то грех какой: самогонный аппарат! Даже смешно — язвить тебя! Да вовсе не в аппарат надобно глядеть, а в преданность власти — вот во што!» Такая «преданность» власти превращается в некую декларативную ширму, под прикры-

тием которой осуществляется нарушение принятых той же властью законов.

Такие начинают отрицательно смотреть на деятельность внешне подобных им же мужиков, которые, однако, по разным причинам лучше преуспевали в осмыслении тех путей, по которым людям надо было сообща идти вперед. Что же касается таких, как Устинов, то ему приходилось труднее многих, потому что, нимало того не желая, выделялся он резче других, потому что, по общему признанию, «был мужик первоклассный и по одному этому — не совсем и не до конца мужик». То есть чем крупнее в человеке концентрируются лучшие качества определенного слоя, тем больше шансов рассматривать его как нечто уже не столь типичное и характерное: многим так легче, слишком высок образец, слишком далек ориентир.

Революция открывала перед каждым невиданные перспективы, небывалые возможности. Но она ничего никому не сулила даром. Надо было трудиться, чтобы воспользоваться предоставляемыми ей возможностями, чтобы возможности эти стали действительностью.

В самом начале романа, говоря о тех трудностях, которые поджидают комиссию, Петр Калашников сетует, что много стало таких, как Игнатий Игнатьев. «И да же едва ли не в каждом нынешнем человеке сколь-нибудь, да сидит Игнашка. В одном более, в другом — поменее, но сидит и ждет своего часа. Настанет час, и тогда Игнашка берет свое и мутит светлую воду и человеческое сознание, а когда сделано что-то по уму, он обязательно переделает на глупость. Почему так? Да вовсе не потому так, что ты, Игнатий, сильно глупой от природы, хотя, конечно, можно быть и это! Но потому еще, что так человеку удобнее и легче, так он живет себе и живет, как поросенок, а к человечески трудному не прикасается, избавляет себя от него. Лень бывает человеку человеком быть, а то, наоборот, недосуг быть им. Трудное это слишком для многих занятие — быть человеком». Трудное — потому что связано с чувством осознанной ответственности перед другими за свои действия и слова, трудное — потому что подразумевает по-человечески достойное признание чужих сильных сторон и преимуществ.

Для того чтобы научиться принимать правильные стратегические решения, таким, как Устинов, предстояло

преодолеть и излишнее преклонение перед природой, этакий крестьянский пантеизм, в полной мере понять, какими бедами чревато забвение опасности, исходящей от классового врага (об этом напоминает исполненный трагической мощи финал). Все это верно. Но можно победить классового врага. Можно правильно постичь смысл основных биоритмов природы. И все же останется самая трудная задача, задача из задач — искать путей создания подлинно гармонического социального общежития, в котором каждый не похож на другого и где все вместе должны в полной мере реализовать то, что от природы отпущено каждому.

Началось в Лебяжке с создания комиссии, призванной урегулировать пользование лесом. Но, как говорится, чем дальше в лес, тем больше дров. «Тема природы» стала поворачиваться новыми и новыми гранями. И возник перед людьми русский лес проблем социально-психологических и государственных (не случайно Смирновский говорит: «Человеком и государством быть никогда не просто и не ясно. А человеком и государством русским — так и особенно...»).

«Комиссия» как социально-философский роман — это книга об ответственности человека не только перед другими, но и каждого перед самим собой как человеком, перед теми возможностями, которые могут стать (а могут и не стать!) действительностью.

Надо ли доказывать, что проблематика «Комиссии» остро современна. И даже не будет натяжки, если мы в соответствии с веяниями нашего сегодня вспомним не сходящий с уст термин «высокая эффективность». О чем, как не о поиске путей максимальной социальной эффективности действий личности роман С. Залыгина?

* * *

Сделаем над собой усилие и вернемся из истории в нашу современность. До чего меняется картина! Нас в изобилии окружают проблемы, о которых и подозревать не могли герои самого недавнего прошлого: от проблем генетики, анализирующих таинственные механизмы наследственности, или эргономики как науки о наиболее целесообразных и этически совершенных формах труда до экологии, связанной с охраной природы от губительных последствий того же труда... Цепочка

эта отражает лишь малую часть проблем, в которые все глубже «зарывается» современная наука.

Темпы развития научного знания таковы, что объем информации удваивается за каждые примерно полтора десятилетия. Успеть бы за днем летящим и где уж тут оглядываться в прошлое? Да и зачем?

Так могут рассуждать — и рассуждают! — некоторые наши современники, отличающиеся чрезмерным утилитаризмом мышления. В действительности все обстоит совсем наоборот. Оказывается, для того чтобы человечество успешно искало путей в будущее, необходимо самым тщательным образом проанализировать уже накопленный опыт, и прежде всего в области социально-этической. Проблема человека в современной науке стала центральной, и нравственно-гуманистические аспекты развития любой области знания, включая самые отвлеченные от практических вопросов, становятся все более актуальными. Отсюда не только не снижающееся, но и всевозрастающее значение книг, посвященных величественным и сложным процессам революционного преобразования мира во имя того, чтобы человек мог полностью реализовать свои безграничные возможности.

Содержание

Советоваться с Лениным

7

Революция — в человеке

22

Самосозидание личности

40

История и современность

54

Вадим Ильич Баранов

**ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПРОЗА**

Зав. редакцией *М. Б. Новиков*. Редактор *Н. М. Краснопольская*. Мл. редактор *Л. Ю. Михайлова*. Худож. редактор *М. А. Гусева*. Обложка художника *В. И. Кузьмина*. Техн. редактор *Т. Ф. Айдарханова*. Корректор *В. Е. Калинина*.

Л08620. Индекс заказа 77004. Сдано в набор 17/1 1977 г. Подписано к печати 24/III 1977 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,37. Тираж 137 360 экз. Издательство «Знание». 101835, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Заказ 21. Цена 11 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени тип. им. Володарского Лениздата. 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

11 коп.

Индекс 70069

4/1977

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРА